

ГИБКИЙ ТУМАН

Александр Зейн

Аннотация

Дима и Женя дружат с детства. Они выросли вместе, часами играли в компьютерные игры, поступили учиться на программистов и, кажется, знают друг о друге все.

Но однажды Дима замечает в поведении Жени то, чего раньше не видел. Сначала он думает, что лучший друг скрывает свою ориентацию. Потом понимает: ситуация гораздо сложнее.

Подбираясь к правде, Дима уже не может отмахнуться от назревших вопросов: кто они друг другу и что останется между ними, если перестать притворяться?

«Гибкий туман» — мрачная, но дающая надежду повесть о дружбе, любви, принятии и трансгендерном опыте. История основана на собирательном опыте трансгендерных людей и частично — на реальной истории близкой мне трансгендерной женщины.

Глава 1. Женек

В нашем городе лето не приходит, а медленно наползает. Сначала туман собирается около моря, а потом хмарь перебирается к домам. Просыпаешься — за окном ничего, только белая стена, и не вздумай открывать окно. Температура может быть всего плюс двадцать четыре, но воздух такой плотный, что ощущается пальцами и давит в легких. Идешь по улице — и через три минуты рубашка прилипает к спине, на висках выступает испарина, а в горле словно застрял и размяк ватный комок. Это не южный зной, от которого спасает тень. Здесь тень другая: она прячет ту же духоту и издевательски посмеивается над теми, кто надеялся укрыться. И они вместе: и тень, и туман, словно подельники, скрывают видимое и намертво прячут все настоящее.

У меня сегодня никаких планов на день, только на вечер: придет Женек — играть в Baldur's Gate 3. Наконец-то у нас будет много времени. Прохождение займет больше ста часов, так что июнь расписан. Кроме экзаменов в конце месяца, делать особо нечего, а вот у Жени появилась работа. И зачем, спрашивается, усложнять себе жизнь? В двадцать надо отдыхать, на крайняк учиться чему-то, но не торчать на кассе в магазине одежды.

Хорошо, что мне не нужно заниматься ничем подобным. Я везунчик: от бабушки досталась квартира в хорошем месте, а деньги на жизнь исправно переводят родители. Говорят, чтобы не отвлекался от учебы. С другой стороны, дареная жилплощадь — это и убежище, и клетка. Может, не будь ее, я бы уехал, а так проторчу в этой туманной дыре всю жизнь. Женек точно свалит, ему тут делать нечего. Он всегда был странным, сколько я его помню. Одиноким. Только я у него и есть. Хотя, честно говоря, и у меня тоже есть только он. Без него почему-то все не то, а мысли о его переезде я гоню подальше. Но, наверное, все лучшие друзья такие. В чем-то самые близкие, а в чем-то совершенно непонятные, будто из другого мира.

Как-то в шестом классе мы ходили к морю и нашли на пляже игрушку, фигурку русалочки Ариель из мультика, с ракушками на грудях. У нее отвалился хвост, а внутри каждой половины зияла пустота. Я взял нижнюю часть и засунул внутрь палец, а Женек аккуратно поднял верхнюю и пригладил красные волосы девушки.

— Дай мне посмотреть! — крикнул я и выхватил у него фигурку, а хвост бросил на землю.

Затем быстро засунул два пальца внутрь пластикового тела, ощупывая углубления груди: те, что выпирали снаружи. Женя с силой выхватил у меня куклу, недовольно посмотрел и строго сказал:

— Не надо так делать.

Я не любил и до сих пор не люблю этот взгляд. Сразу возникает чувство, что ты самый плохой человек в мире, и это ничем уже не исправить.

— Почему? — Я дернул русалочку обратно и снова засунул пальцы внутрь кукольного тела.

— Хватит, — Женя потянулся за ней.

Я демонстративно завел руки за спину.

— Ну, Дим, ну отдай ее!

— Не отдам!

— Тогда хотя бы не делай с ней так! — закричал Женя и угрожающе приблизился.

— А что такого? — Я сделал шаг назад.

— Не знаю, ей неприятно, — он обхватил себя за плечи и опустил голову.

Его светлые, слишком длинные по той мальчуковой моде волосы упали на глаза.

— Это же кукла! Ей вообще все равно. Она ничего не чувствует, — я покрутил фигуркой у него перед лицом и будто в доказательство дернул ее за голову.

— Ты дурак! — Женя толкнул меня, подхватил русалочий хвост и кинулся прочь.

Я немного посидел у воды. Минут пять, наверное. Без Жени мне тут же стало скучно, и я разозлился на дурацкую русалку.

— Вот уродища. Из-за тебя он обиделся. Будешь отвечать перед ним, — я погрозил кукле пальцем и прибавил: — И извинишься! — затем встал и побрел сквозь туман в сторону дома.

Уже у выхода к пятиэтажным панельным домам заметил Женю. Взвесь скрывала его почти полностью, но я узнал куртку и узкие, почти девчачьи плечи. Он сидел на корточках спиной ко мне рядом с невысоким деревом.

— Жень! — Я двинулся к нему.

Он вздрогнул и обернулся.

— Ты чего? Ревешь, что ли? — спросил я, заметив, как распухло и покраснело его лицо. На нем всегда все видно: кожа бледная, как у призрака.

Женя промолчал, я подошел ближе. Впереди возвышалась маленькая земляная горка. В основании начерчен крест, а сверху аккуратно сложены веточки и травинки.

— Что это? — Я сел рядом на корточки и оглядел конструкцию.

— Это могила, — прохрипел Женя, и его подбородок задрожал.

Я с ужасом уставился на друга.

— Чья она?

Ответа не последовало. Женя какое-то время смотрел на свои руки в грязи, а затем принялся их отряхивать.

— Женек, слушай, я ту куклу принес. Если она тебе нужна.

— Не нужна! — воскликнул он. — Я уже похоронил ее!

Значит, этот холмик... Я вытащил русалку из кармана, осмотрел ее улыбающееся лицо и с размаху воткнул торсом в почву. Теперь она выглядывала из земли, гордо уперев руки в бока.

— Смотри! — Я указал на половинку девушки. — Можно представить, что у нее там ноги, а не хвост!

Женя перестал всхлипывать и пригляделся, но не говорил ни слова.

— Она не умерла, просто застряла. А потом вылезет! И как пойдет все крушить, — я раскинул руки в стороны, расширил пальцы и зарычал.

Женя рассмеялся и тоже зарычал, но не очень грозно.

— Вот и нечего было реветь, — твердо заключил я, встал и подбоченился. — Пойдем домой, а то эта вонючая русалка мне все настроение испортила. Пусть она сама тут дальше разбирается.

Женя вытер лицо, поднялся. Его голубые глаза больше не напоминали две лужи.

Домофон торжественно пикнул: кто-то зашел по коду. Я вскочил с кровати и выбежал на лестничную клетку. Усталые, шаркающие шаги слышались на уровне второго этажа.

— Шуруй, шуруй, работяга, — крикнул я вниз. — Бэгэ стынет. Я сделал перса утром, ща быстренько тебе замутим и го.

Женя не отозвался. Я помялся на месте и начал спускаться ему навстречу. Вскоре мы поравнялись. Во что он одет? Короткая красная майка с цветочным принтом и широкие брюки. Еще что-то не то с волосами. Женя всегда носил длинные, но тут... не понимаю. Или дело вообще не в прическе, а во всем образе?

Женя улыбнулся мне и сунул рюкзак, который я привычно подхватил. Была у него такая привычка — нагружать меня тяжелым. Я обычно долго не думал, просто брал ношу и пер в квартиру.

— Ох, — выдохнул он, разуваясь. — Ужасная смена. Народу тьма, еще и куча возвратов.

Женя протащился в зал, аккуратно сел на диван и закинул ногу на ногу. Затем изящно вытянул руку вдоль спинки. Я рассмеялся.

— Ну и видок у тебя, Евгений. Барон!

Он нахмурился, поджал губы и строго сказал:

— Сто раз просил не называть меня полным именем.

— Но почему? — Я плюхнулся на другой край. — Там же такое окончание... «гений». Не то что у меня. Дмитрий. Что это за «митрий»?

— Подай рюкзак, — перебил Женя и протянул руку, выставив указательный палец чуть выше остальных.

— Расприказывался, глянь, — я нащупал ручку и швырнул сумку Женьку.

Он не поймал, и рюкзак свалился на пол.

— Там же ноутбук! — Женя быстро поднял брошенное и обиженно на меня посмотрел.

— Прости, — я опустил глаза. — Не подумал.

— Ладно, надеюсь, комп переживет.

Затем он расстегнул молнию и достал из большого отсека рюкзака набор разноцветных носков, а следом — синие трусы-боксеры.

— Вот. Это тебе. У нас на работе скидка для сотрудников. Я прикупил нам обоим, — он протянул мне дары.

— Оу, спасибо, — я взял подношения. — Это точно мой размер?

Женя оглядел меня, будто для проформы, и уверенно сказал:

— Твой, бери.

— Вот это подгончик, — воскликнул я и бросился освобождать носки из полиэтиленовой тюрьмы.

Котята? Допустим... Тортики прикольные. И бананы. А вот трусы совсем обычные.

— А себе что взял? — Я завалился на локоть, пытаюсь заглянуть в отсек.

— Тоже... вещи, — уклончиво ответил Женя и достал ноутбук. — Давай играть. Я сделал перса еще вчера перед работой, — следом из сумки показались зеленые наушники-затычки.

Я послушно отправился в спальню и запустил Телеграм на компе. Женя набрал мне, а затем мы подключили сетевую игру — наконец-то Baldur's Gate 3! Как долго я этого ждал! Открывающая сцена — крушение на корабле иллитидов, монстров, порабошающих разум! Графика улучшилась по сравнению с прошлой частью. Хм... И что тут делать? Я осмотрелся. Управление вроде удобное. Я оглядел своего персонажа: здоровый тифлинг красного цвета с рогами и хвостом — натуральный дьявол. Читал, тут можно с кем-нибудь переспать, так что герой отличный.

— Ты подключился? — спросил я, не обнаружив рядом персонажа друга.

— Да я что-то... сейчас, — сказал он и умолк, но вскоре прибавил: — Готово.

Я увидел героя Жени: женщина-человек, очень похожая на него самого. Светловолосая, худая, с большими голубыми глазами. Я подошел к ней и приблизил камеру.

— Ого...

Женя промолчал, а я обернулся на дверь, будто мог увидеть его и сравнить, но с такого ракурса диван оказалось не разглядеть.

— Ты чего девку сделал? — нарочито безразлично спросил я.

— А что? — прозвучало в наушниках. — Почему нет?

— Да ничего, ладно... Какой класс выбрал? Я — паладин.

— Я — друид.

Фу, тоска зеленая.

— Друид? Почему?

— Чтобы превращаться в животных и хилить.

— Ну да, зверюшек ты любишь, — я смиренно вздохнул. — Будешь меня лечить. Тогда кто нам еще нужен?

— Не знаю, по ходу разберемся.

Мы продвигались по кораблю иллитидов, я шел впереди, а Женя за мной. По дороге спасли симпатичную брюнетку, а у выхода встретили мощную воительницу. Надо подумать, кого брать в итоговую команду, там из компаньонов еще точно будет маг, вроде и плут — гей-вампи́р. Про это во всех социальных сетях писали. За гей играть не хочу, а то вдруг он ко мне полезет.

— Я уже травки собрала, — вдруг сказал Женя необычно высоким голосом. — Играем на сложном уровне, ресурсов мало, так что буду делать зелья.

— Собрала? — переспросил я.

— Ну да, собрала. Я же за женщину прохожу, надо вживаться в роль.

— Ладно, — отмахнулся я, — как хочешь.

Мы поиграли минут двадцать, и у нас закончилось здоровье. Нужно идти в лагерь и отдохнуть. Я насоби́рал всякой всячины, найти бы торговца и все продать. Какие у меня характеристики для обмена? Вот дела, харизмы нет вообще. Может, у Жени есть?

— Что у тебя по харизме? Норм для торговли?

— Все хорошо, — ласково отозвался Женя. — Давай я буду следить за бюджетом, куда же деваться.

— А ты чего там застрял? — я оглядел его персонажа, стоявшего напротив зеркала.

— Минуточку...

Через пару мгновений героиня поменялась: волосы стали красными.

— Ты там... это... прически меняешь?

— Меняю, — весело ответил Женя, — хочу быть красивой.

Окей, для него это нормально. Он обожает одежду и, в отличие от меня, никогда не ходит два дня подряд в одном и том же.

После нескольких часов мы уже сориентировались. Я взял себе в команду ту воительницу — она отлично дерется, а Женя — мужчину-человека. Мы продвигались дальше, исследуя карту, но останавливались на каждом шагу. Женя рассматривал мир, читал все записки и не пропускал ресурсы. Это раздражало, хотелось быстрее подраться с кем-то. Наконец мы добрались до задания.

— Давай не будем разбираться в этих междоусобицах, — строго сказал я. — Мне вообще плевать, кто тут прав, кто виноват в этой Изумрудной роще. Предлагаю грохнуть всех.

— Нет, — воспротивился Женя. — Тифлинги не виноваты, их притесняют и собираются отправить на смерть просто потому, что они как-то не так выглядят. Ты же сам играешь за тифлинга. Неужели не жалко?

Я задумался. Да что-то не очень. Но он расстроится. Точно расстроится. Как-то я цветок в горшке загубил, так из этого получилась трагедия в трех актах со слезами и обвинениями в бессердечности.

— Фиг с тобой, давай спасать. А ты зачем вообще взял...

— Взяла, — поправил Женя.

— ...взяла этого колдуна? По-моему, он беспонтовый.

— Читала, с ним есть романтическая линия. Я же за женщину играю, а значит — нужен мужчина, — ответил он.

Мужчина? Я давно подозревал, что Женя может быть геем, но теперь это стало очевидно.

— Жень, а вот эти твои подруги с работы. Ты с кем-нибудь из них спишь? — Резко спросил я.

— Что за вопросы? — возмущенно отозвался он.

— Ответь. Я тебе про всех своих девчонок рассказываю.

— Хотя тебя никто и не просит, — парировал Женя.

Я не придумал ответа и снова уставился на карту.

— Нет, не сплю, — внезапно продолжил он. — Просто дружеское общение.

— Никто не нравится?

— Почему же. Они все красивые. Просто ты за нас двоих отдуваешься, — хихикнул Женя.

Я подхватил гоготание, но быстро замолчал.

Ну точно гей.

Глава 2. Настоящая женщина

Женя не появлялся пару дней, взял несколько дополнительных смен в магазине. Я замаялся и с тоски гуглил все, что мог, про геев. Так, это врожденное.

Гомоэротизм, гоморомантизм... Допустим. Фембои. Это что? Мужчины, которые носят женскую одежду... Я посмотрел на часы — уже к сестре пора. До нее минут тридцать — как раз успею. Накинул первые попавшиеся вещи и выскочил из дома.

Света, невысокая упитанная брюнетка двадцати четырех лет, с такими же кудрявыми волосами, как у меня, уже ждала у своего подъезда с коляской. Джинсы, темная майка, кроссовки. Я подошел ближе и сунул руку к малышу.

— Привет, пацан, — пальцы ребенка оказались мягкими, как ткань. — Свет, а Леха дома?

— Нет, он на работе, а что?

— Хотел у него одного тарантула подрезать. Подарить кое-кому.

— Фу, когда же они уже передохнут все. Ненавижу пауков. Сто раз просила от них избавиться, но Леша меня вообще не слушает, — она сморщилась. — А тебе зачем?

— Да Жене хочу подогнать, он любит всякую живность.

— Лучше бы ты на работу устроился, а не дурью маялся. Женя как-нибудь сам разберется.

— Спасибо, обойдусь. Предки дали четкий наказ — учиться, учиться и еще раз учиться, — я пожал плечами. — Женек вон устроился продавцом-консультантом, теперь у него жизни нет.

— Он всегда был рассудительнее тебя, — со знанием дела ответила сестра и махнула в сторону парка, указывая дорогу. — Мудрый парень. Мне всегда казалось даже, что у него, знаешь, женское сердце. Повезет его избраннице.

Женское сердце?

Мы вышли на мощеную дорожку и двинулись вдоль деревьев. Я смотрел на мужиков вокруг, пытаюсь прикинуть, кто из них может оказаться геем. По статистике, от двух до пяти процентов, то есть от каждого пятидесятого до каждого двадцатого.

— В следующем году Сашу в ясли отдавать. Я вроде и рада, но, с другой стороны... а вдруг за ним там не уследят? — Света сжала ручку коляски.

— Все дети через это проходят, — отмахнулся я, продолжая скрининг.

Вот этот выглядит неподозрительно, но что за шмотки на нем? Хотя пишут, что геи чаще всего одеваются обычно.

— Мужики, — бросила Света. — Леша тоже не волнуется, как будто речь не о его сыне, а вообще непонятно о ком.

Она поправила волосы, затем заглянула в коляску:

— Мама всегда больше переживают, да, малыш? Ку-ку, — Света рассмеялась, ребенок улыбнулся в ответ. — Видимо, такова наша женская доля. А потом он вырастет и станет таким же глупым, как его дядя и папаша. Да, мой хороший? Ку-ку.

Малыш протянул к Свете сжатые кулачки. Я посмотрел на сестру: вроде улыбается, но...

— Свет, — начал я. — А тебе не грустно, что ты столько времени проведешь с ребенком, а потом он вырастет, ну и все. Своя жизнь.

Она с возмущением посмотрела на меня и прошипела:

— Это называется любовь.

Затем добавила уже спокойно:

— Женщина должна стать матерью хотя бы раз. Это наша биологическая задача, иначе ее и женщиной-то считать нельзя. Какая же это женщина? Глаза покрасила, платье надела и думает — все?

— Это да, — согласился я и на всякий случай отступил на пару шагов.

— Женщина — это мать, жена, — Света остановилась, и туман окутал ее, будто завернул в белую шаль. — А уже во вторую очередь карьера и друзья.

— Точно, ты права, — я уверенно кивнул.

Она вцепилась в ручку коляски так, что казалось, та сейчас треснет пополам, и покатила транспорт ребенка вперед.

— Я вот не жалею, что бросила работу. Детские глупости. Декоратор — это вообще не работа, так — хобби. Моя главная обязанность — быть мамочкой. Да, малыш, куку, — защебетала она.

Я отвлекся. Прохожие ненадолго показывались, а затем снова исчезали в белых облаках. Нет, кажется, этот мужик совсем обычный, хотя кто его разберет?

— Не понимаю этих карьеристок. Сначала они такие независимые, а потом бегают и не знают, к какому врачу обратиться. Часики-то тикают. Правильно я говорю? — Она повернулась ко мне.

— Правильно, — машинально ответил я и проверил телефон.

Почему Женя не пишет? Обещал до вечера сказать, сможет ли прийти поиграть.

— Слушай, Свет, — начал я. — А если твой сын вдруг окажется, ну, геем?

Она нахмурилась и вся раздулась:

— А с чего бы ему быть геєм? У нас в семье все нормальные. Тем более — это же воспитание. Не будет лазить по всяким подозрительным сайтам, и все будет хорошо.

— Вроде это врожденное, — пробубнил я.

— Ничего не врожденное, — заявила Света. — Почему тогда у нас в стране их нет, а на Западе... Ой, тьфу!

— Может, они скрываются.

— Не говори глупостей. Зачем им скрываться? Никто же не против. Пусть молчат и парады не устраивают, а так всем все равно.

Я с непониманием посмотрел на Свету:

— Так если они будут молчать, то и покажется, будто их нет. Разве не так?

— А что, пусть говорят на всю улицу про свою постель? — она поежилась. — Я же не кричу, что сплю с мужчинами, почему они хотят?

Я рассмеялся и уставился на коляску.

— По тебе как бы и так видно, с кем ты спала.

— Ты на что намекаешь? — шипнула она.

— Ни на что. Просто это же, наверное, обидно. Если ты гей, а все думают, что нет. Женщины подкатывают, а тебе неприятно. Хочется, чтобы все знали, кто ты, и не доставляли неудобств.

— Ой, Дим, — Света махнула на меня рукой. — Мне эта тема вообще не интересна, так что давай ее закроем. Я не против геев, когда это не в моей семье и не в моем окружении, а так — пусть делают что хотят.

— Хорошо, хорошо, — я замахал руками. — Закрываем. Рот на замок, ключ в мусорок.

Я изобразил, будто что-то выкидываю в мусорную корзину, следом проверил телефон. Сообщение от Жени: *«Сегодня вечером буду, организуй ужин»*.

Ура!

Глава 3. Женский род

Женя снова притопал уставший, но с печеньем, нашел минутку заскочить в магазин. Проследовал на кухню, собрал волосы в хвост, щелкнул чайник и осмотрелся:

— Дим, тебя убирать вообще не учили? Живешь как свинота какая-то.

— Да пофиг, — я поставил в микроволновку чебурели, вытащил кружки. — Останешься сегодня у меня, чтобы завтра прям с утра продолжить играть? А то мы таким темпом долго будем проходить.

— Не могу, — Женя вяло опустился на стул и закатил глаза. — В магазине еще две смены подряд.

— Это что за график такой? — Я скрестил руки на груди.

— Я взял дополнительные, — он погладил себя по тыльной стороне кисти, будто жалея. — Хочу денег заработать и побыстрее съехать от родителей.

Микроволновка гордо звякнула, я достал тарелку и поставил перед ним.

— Это что? — Женя брезгливо оглядел блюдо.

— Чебурели, — объявил я. — Ешь.

— Нет уж, сам ешь, — он отодвинул тарелку. — У меня сердце не лишнее.

— Да ладно тебе, правда не будешь?

— Не буду, чай попью, а дома нормально поем.

Я выдохнул и забрал тарелку:

— Зачем тебе съезжать от родителей?

— Потому что мне с ними плохо. Ты же знаешь, — с укором ответил Женя, пододвинул к себе печенье и принялся заливать чайный пакетик кипятком. — Папа пьет, а маме хоть бы хны.

— А потом что? Лето закончится, ты не сможешь платить. Тебе все равно придется бросить работу.

— Или учебу, — серьезно ответил Женя.

Я со звуком отставил кружку в сторону, опустился на стул напротив и посмотрел ему в глаза:

— Третий курс уже. Не бросай. С кем я сидеть буду?

— Переживешь, — Женя нервно усмехнулся.

— Женек, ну серьезно! — Я подался к нему.

— Не называй меня Женьком! Я — Женя, — он отпил чай. — Мне все равно не нравится программирование. Заработаю денег, а дальше... не знаю, пойду на ветеринара.

— Какого, блин, ветеринара? Они копейки зарабатывают, — с жаром выпалил я.

Женя промолчал.

— Ну правда, — я взял чебурелину и кинул в рот. — Зачем?

— Потому что не люблю программировать. У меня не получается! — воскликнул он и вскинул руки к лицу.

— Только не реви, умоляю, — я наклонился к нему. — Не могу с тобой разговаривать, когда ты реवेशь. Внутри все переворачивается.

— Ну уж прости! — Женя отпихнул тарелку с печеньем. — Ты мажор, а мне приходится работать.

Мажор? Приехали...

— Я тут не виноват.

— И я не виноват!

Он захныкал. Я придвинулся ближе, положил ладонь ему на плечо. Что же делать? Оглядел кухню. Еще и чебурели недогрелись. Не мог я, что ли, нормальную еду купить?

— Слушай, давай вместе что-нибудь придумаем?

— Что? — пискнул он.

Я снова просканировал помещение, взгляд упал в коридор, где стояли на полке для обуви Женины «найки».

— А хочешь ко мне переехать?

— Не хочу, — он отвернулся.

— Почему? — обида кольнула в груди.

С чего такой быстрый отказ?

— Потому что ты будешь девушек водить, а мне нужно спокойное место.

— Да я уже сто лет никого не приводил. Не ладится ни с кем особо. Я вот честно сейчас больше всего хочу BG3 пройти. Дам тебе спальню, а сам буду в зале, в проходной.

— Спальню? — Женя поднял на меня красные глаза, покачал головой и отпил глоток чая.

— Ну да, — я вложил максимум убедительности в эти два коротких слова.

Он задумался на несколько секунд, затем спросил:

— А если у тебя кто-то появится?

— Тогда и будем думать, — я пожал плечами. — Это все равно лучше, чем жить с предками.

Женя медленно распрямился, искоса посмотрел на меня и сказал:

— Но коммуналка на мне.

— Без проблем, — ответил я и похлопал его по спине.

Он переехал через три дня, и спальня сразу преобразилась. Теперь там все было чисто, а вещи аккуратно разложены. Пахло ароматическими палочками. Женя даже привез из дома шторы, постель и плед, а полки забил книгами: Шарлотта Бронте «Джейн Эйр», Эмили Бронте «Грозовой перевал», Жорж Санд. Это кто такой?

Я остановился в дверях, не рискуя переступить через порог, будто вместо меня появился песочный человек, который сразу принесет с собой грязь и пыль. Женя лежал на кровати с ноутом на коленях.

— Что делаешь? — спросил я. — Можно к тебе?

— Сериал смотрю, можно, — отозвался он.

— Про что? — Я прилег рядом.

— Тебе не зайдет.

— Почему?

— Там любовная история, но мне тоже не нравится. И почему женщины позволяют вытирать об себя ноги?

Я глянул в ноут — в кадре непримечательный лысый мужик.

— Ну... понял, — я снова посмотрел на полки с книгами. — Слуш, я вообще тут пришел сказать. Меня Светка попросила сгонять на пару дней на дачу. Там семейный сбор с ночевкой. Побудешь один, ничего?

— Ничего, — Женя слегка улыбнулся, словно обрадовался.

Показалось?

— Я буду тебе писать, если что...

— Это не обязательно, — перебил он и снова улыбнулся.

— Да? Тогда... ладно... пойду...

Я тихо встал и покинул комнату Жени.

На даче собралась вся колода: папа, мама, Света, Леха, их ребенок и я. Мама — подвижная, невысокая брюнетка — накрывала на стол в уличной беседке, оплетенной виноградом, папа и Леха неподалеку жарили шашлыки на мангале, а сестра восседала с сыном в тени листьев и походила на девушку с картины эпохи Возрождения. Вокруг изобилие, а во взгляде тоска. Я подсел к ней. Не спрашивая разрешения, Света передала мне малыша и потянулась руками вверх.

— Как же спина затекла, — простонала она и взяла со стола четвертинку помидора.

Я держал ребенка, он шевелился у меня в руках: маленькое, теплое существо, пахнущее молоком.

— Папа придумал что-то на вечер, — продолжила Света, жуя. — Игры какие-то. Вечно ему нейдет.

— Сказал, какие именно? — Я начал покачивать ребенка.

— Нет, говорит, сюрприз. А еще через час приедет его друг с работы с дочкой твоего возраста, — сестра подмигнула.

Я скривился. Чужие люди...

— Как у тебя дела вообще? — спросила она и, не дожидаясь ответа, заговорила сама: — У меня какой-то дефицит общения. Хоть бы на ногти сходила с девчонками поболтать, а то я уже со скуки Санд переслушивать начала.

— Что за Санд? — Я включился, вспомнив Женины книги.

— Жорж Санд. «Консуэло». Неуч ты, братец.

— Ты про книжку? — Я изобразил удивление. — А что он пишет?

Света хитро улыбнулась, ее лицо просветлело, как у любого, кто вот-вот начнет блистать познаниями.

— Не он, а она. Писала женские романы. Но конкретно этот еще и о судьбе человека искусства, поэтому мне и нравится. Я до сих пор иногда полистываю журналы по декору...

Женщина? Интересно, как там Женя? Скучает, наверное. Одной рукой держа ребенка, я достал телефон из кармана, быстро набрал: *«Привет, что сегодня делал?»* — и отправил.

— Любовь женщины отличается от любви мужчины, — сменила тему сестра. — У мужиков все как-то в лоб. Не знаю, женщины тоньше чувствуют.

Телефон мигнул, пришло сообщение: *«Почему ты так написал?»*

Что? Как я написал?

Ребенок шевельнулся на руках, и мобильник выпал. Света фыркнула, забрала сына, будто мне в наказание, а я тут же полез под стол.

— Мы любим не только самих себя, — продолжила она, — а еще и других.

Я нащупал телефон и бросил:

— Это какие-то средневековые предрассудки. Мужики тоже любят.

— Как скажешь, — тоном буддийского мудреца отозвалась она.

Я разблокировал телефон, но сообщения уже не было. Удалил? Я перечитал свое: *«Привет, что сегодня делала?»* Вот блин, автозамена! Женский род! Я бросился редактировать сообщение, но не успел подтвердить, как мне пришло: *«Все ок, не скучала»*.

А.

А.

А.

СкучалА.

Я заблокировал экран и убрал телефон в карман. Что это было?

— Ну все, семья! — оглушил нас папа, внезапно нарисовавшийся во главе стола, и подкрутил гусарский ус. — Шашлыки готовы! Можно приступать.

Мы скупились вокруг еды, а Леха налил присутствующим вина.

— За семью! — Муж сестры расправил плечи и выпятил начинающий проступать живот. — И за то, что мы всегда друг друга пойдем и поддержим в любой беде!

Все отозвались согласным эхом. Я сразу осушил бокал и зажевал сыром. Мама пить не стала, только пригубила. Затем отодвинула алкоголь и ловко, будто с самого начала ждала момента, пододвинулась к нам.

— Сынок, ну как ты там? — она взяла меня под локоть. — Не скучно одному?

— Я не один, я с Женьком живу.

— Это хорошо, он опрятный и хороший мальчик, но лучше бы ты жил с девочкой, —

она загадочно улыбнулась и прошептала: — Пора уже.

Я промолчал, придумывая остроумный и одновременно бескомпромиссный ответ, но в этот момент спасительно залаяла собака.

— Это Игорек с Ксюшей, — воскликнул папа и метнулся к калитке, а вернулся с полноватым мужичком в компании красивой шатенки лет двадцати в низких джинсах.

Я посмотрел на нее, махнул рукой, она махнула в ответ и опустила взгляд. Я развернулся обратно к маме.

— Если квартира маловата, мы потом с отцом вам поможем.

— Кому нам? — не понял я.

— Тебе и твоей будущей девушке.

— А! — Каркнул я. — Да когда это еще будет? Я пока не знакомлюсь. Не то все.

— Чем раньше, тем лучше, — она хлопнула меня по ладони. — Светка вот молодец. Через пару лет уже второго планируют, а там и третьего. Да, Светик? — мама с уверенностью посмотрела на дочь, будто между ними все давно было решено.

— Ну... — начала сестра и посмотрела на меня. — Мы пока думаем...

— Я вот хотела третьего, но здоровье не позволило, — печально продолжила мама.

Сестра не ответила и коротко, будто с укором, взглянула на мужа.

Мужчина, представленный Игорем, сел напротив, а рядом с ним Ксюша. Я снова столкнулся с ней взглядом: на этот раз она смотрела чуть дольше, а потом перевела глаза на папиного друга и улыбнулась так, будто слушала все, что он говорил, и это ее крайне веселило. Отстой. Теперь решит, что я пялюсь, а мне с этого места и смотреть-то больше некуда.

Женщины по обе стороны от меня болтали друг с другом, а я осушал бокал за бокалом. Хотелось поговорить с Женей, но я боялся, что мама или сестра увидит нашу переписку и спросит про женский род.

— А может, Леше для разнообразия взять да и помочь мне с ребенком? Это же и его сын тоже! — с раздражением бросила Света.

— А работать кто будет? — отбила мама.

— Вместе! И воспитывать вместе! — Ребенок зашевелился и возмущенно закричал. — Ой, Санечка, прости, мама больше не будет так кричать...

Я взглянул на сестру. Тяжело ей, наверное.

— Женщина — это мать, жена, хранительница домашнего очага. Мягкая, интуитивная, — спокойно продолжила мама.

— Нет у нас никакого очага! — воскликнула Света, снова потревожив ребенка. — Давно у всех центральное отопление!

— Не доводи до абсурда, — отмахнулась мама.

— Это ты не доводи до абсурда, — ответила тем же сестра. — Двадцать первый век на дворе.

Затем она зло посмотрела на родительницу, и та замолчала.

Так я и сидел, проникаясь тонкостями сестринского и материнского быта. Я мало

говорил, почти не ел и планомерно накидывался. Казалось, если встану, то сразу упаду. Жорж Санд. Почему Женя ее читает? «Консуэло», блин. Это что вообще? Имя?

Вдруг отец поднялся с места, взмахнул руками, будто собрался расстелить еще одну скатерть поверх имеющейся и провозгласил:

— Хватит уже томить! Пришло время раскрыть главную интригу вечера!

Все притихли, а он, в ореоле всеобщего внимания, тряхнул густыми волосами и с гордостью произнес:

— Я приготовил фокусы!

Затем достал из кармана колоду карт с золотистыми рубашками и показал всем валета пик.

— Смотрите внимательно! — низко проговорил он. — Сейчас эта карта преобразится.

Папа что-то сделал пальцами и воскликнул:

— Был валет, а теперь — хоп! Дама пик! — он продемонстрировал женщину в пластиковом прямоугольнике.

Все захлопали, а я бросил стыдливый взгляд на Ксюшу, которая прикрыла рот рукой и тихо захихикала. Кажется, мы переглянулись уже в четвертый или пятый раз.

— Мне надо отойти, — сказал я.

— А фокусы? — Папа грозно навис над столом. — У меня тут еще программа на двадцать минут.

Нет уж, как-нибудь без фокусов. Наслушался я тут всяких шоу и нагляделся. Жутко хочется домой, все это совсем не мое. Сначала одно говорят, потом тут же ссорятся...

Ксюша взглянула на меня с надеждой. Она что, тоже не хочет смотреть на второго Гудини? Я указал глазами в сторону, мол, спасемся, она понимающе моргнула. Похоже, Ксюша ничего. Может, просто разрыв поколений? И родители в моем возрасте тоже так смотрели на своих? Хотя Светка старше меня всего на четыре года, но, с другой стороны, она уже жена, мать...

Ксюша тихо выползла из-за стола, пока отец вовсю тасовал карты, пританцовывая на месте. Я погнал в уличный туалет, махнув новой знакомой подождать. Когда вышел, она сидела на корточках у грядки и что-то рассматривала.

— Ты чего там возишься? — я наклонился к ней.

Наверное, ящерицу нашла. Они в это время активные. Женя что-то рассказывал про них, но я все равно ничего не запомнил, только что у них иногда хвост отваливается. Ксюша сорвала землянику, затем обернулась и посмотрела на меня кристально пьяными глазами. Затем крепко обхватила за плечи и поцеловала в губы.

— Хрена ты творишь? — Я отпрянул, а она завалилась на траву.

— Ой!

— Что «ой»? — Я отступил еще. — Чего лезешь?

— Я не так поняла, — выдавила она. — Мы же весь вечер переглядывались. Решила, ты хочешь развлечься.

— Ничего я с тобой не переглядывался, — строго сказал я. — Мне смотреть некуда было!

— Зажатый ты какой-то, — хмуро бросила Ксюша, встала и принялась отряхивать джинсы.

— Да нихрена себе. Мне только что сестра рассказывала, какие женщины тонкие и не прямые, а тут ты.

— А я толстая и прямая, — Ксюша с вызовом оглядела меня. — Женщины всякие бывают.

Она гордо вскинула подбородок:

— Ладно, не хочешь, как хочешь.

Я обернулся в сторону родительского стола. Папа уже прилепил одну карту на лоб и вовлек в представление маму в роли ассистентки.

Точно пора валить.

— Тогда просто прогуляемся? — скромно спросила Ксюша. — Не могу их слушать.

— Нет уж, — отрезал я, и ноги сами понесли меня к калитке. — Мне нужно домой.

Глава 4. Смоки айс

Помимо воли я проникся духом отцовских глупостей и не предупредил Женю о приезде. Влетел по лестнице на пятый этаж, открыл дверь, пробежал прямо в обуви в зал и крикнул:

— Там бухой треш творился, и я сбежал! Сюрприз!

Женя не ответил, хотя дома явно кто-то был: свет горел во всех комнатах, пахло чем-то вкусным. Я поплелся в спальню, но там никого не оказалось. На полу обнаружилось круглое зеркало и косметика: карандаш, тушь для ресниц и коробочки неясного назначения. Подключенный ноут лежал на кровати, открыто видео на Ютубе: «Смоки айс. Пронзительный взгляд за 10 минут», поставлено на паузу.

— Жень? — Я вышел из комнаты и подкрался к туалету, постучал. — Жень, ты срешь?

Тишина. Я повернул ручку двери, она поддалась, но внутри — никого. Я медленно направился на кухню — тоже пусто. В уме встала недавняя картинка: большой женский глаз на экране, покрашенный черным снизу и сверху.

Я снова вернулся в комнату Жени, сел на пол и принялся разглядывать косметику, потом достал телефон и набрал: «А ты где?»

Вдруг в шкафу послышалась громкая вибрация, а затем что-то зашевелилось.

— Мать твою... — я отполз к выходу, но остановился, и вскоре вернулся обратно. Занес ладонь над ручкой дверцы шкафа.

— Нет, не открывай, — тихо проговорил Женя.

Я медленно встал и сел на кровать.

Так. Это не особо нормально.

— Жень?..

Тишина.

— Жень, послушай. Меня вот, если честно, пугает, что ты там сидишь.

В шкафу завозило, а затем донесся жалобный голос:

— Ты можешь уйти?

— Куда? — Я сжался.

— На улицу. Погулять минут на двадцать.

— А почему мне надо куда-то идти? — Я взялся за горло, дыхания не хватало.

— Пожалуйста.

— Блин, братан, ты меня очень пугаешь. Вылезай оттуда. Ну прошу тебя. Я не хочу уходить, — проскулил я.

— Не могу, — отозвалось из шкафа.

Я в третий раз посмотрел на картинку в Ютубе.

— Ты что-то сделал с лицом?

— Да, — ответил он после паузы.

Ну... Это, конечно, странно...

— Слушай, давай выходи, поговорим. Ты мой лучший друг, я пойму тебя.

— Нет.

Я шлепнул ладонями по коленям.

— Да и хрен с тобой, — вскочил. — Уйду. Схожу в магазин. Но потом не говори, что я не пытался тебя понять.

Я направился к двери и притормозил. Вдруг передумает?..

— Ладно, стой, — прозвучало чуть громче, — но пообещай, что мы все равно останемся друзьями.

— Конечно, останемся, — с уверенностью сказал я.

Дверца шкафа зловеще скрипнула, затем отворилась, и наружу вылез Женя. Он всегда казался мне миловидным, но теперь передо мной предстал не просто смазливый парень, а привлекательная девушка. Макияж изменил скулы, из-за чего щеки казались пухлыми. Глаза и губы стали ярче и выглядели больше. Внезапно я осознал: Женя никогда не ходил с бородой или щетиной — всегда абсолютно гладкая кожа. Только сейчас до меня дошло, что странного в его причёске — она была женской. «Лесенка», как говорила мама. Вся фигура Жени на удивление органично сочеталась со светлым платьем. Кажется, он надел лифчик, потому что я точно видел характерные конусы, ноги облепили белые колготки.

— Эээ, — вырвалось из меня.

Женя опустил глаза, сел на кровать и закрыл ноутбук.

— Эээ, — повторил я, намекая на потребность услышать объяснение.

Женя немного помолчал и заговорил:

— Почему ты не сказал, что возвращаешься раньше?

— Сам задаюсь этим вопросом, — промямлил я.

Женя отвернулся к стене и выдавил:

— Это косплей.

— И кого косплеишь? — с сомнением спросил я.

— Фрирэн.

— Фрирэн — эльфийка, а еще у нее волосы белые. Я не в бункере живу и аниме тоже посматриваю.

Он повел плечами, так же, как это делала мама или сестра, когда разговор окончен.

— Слушай, — я сел рядом. — Признайся, ты же гей. Я уже догадался. Видел такие ролики в ТикТоке. Ты — фембой. Мужчина, который носит женскую одежду, а еще лапки там, ушки.

— Я не фембой, — твердо сказал Женя, — и не гей.

— Можешь не стесняться, я не такой темный, как кажется, и знаю, что существуют геи и лесбиянки. Почему ты не говоришь мне правду?

— Я говорю правду, — он повысил голос. — Я не гей! Я ходил на свидания, мне не понравилось.

— И не рассказал? — Меня ужалила пчела обиды.

— А зачем? Опыт все равно неприятный.

— Почему?

— Они смотрят на меня не так, как я хочу, — Женя сжал руки в замок.

— Но если не гей, — я подполз ближе, пытаюсь параллельно разглядеть знакомое и одновременно незнакомое лицо, — тогда как это называется?

Женя всхлипнул.

— Блин, ну опять. Не надо, — я обнял его за плечи, он прикрыл глаза ладонями, до меня донесся запах косметики, идущий от волос. — Вечно ты плачешь по любому поводу, как девчонка, в самом деле, — я прижал его сильнее. — В шкаф залез... Да пофиг мне на твою ориентацию, ты же мой самый близкий друг. Я тебя всю жизнь знаю, живу вот с тобой. Перестань хныкать, у тебя вон тушь потекла.

Женя резко умолк, отнял руки от лица и увидел на ладонях черные пятна, а затем снова разрыдался.

— Ну еще накраسيшься, ладно тебе. Хорошо все будет, — я погладил его по спине.

— Ты не ненавидишь меня? — простонал Женя.

— Конечно, нет, — я обнял его крепче. — Что я могу для тебя сделать?

— Ничего не надо.

— Да хватит, Женечка, я правда хочу, чтобы ты успокоился. Скажи уже.

Женечка... Это откуда вылезло?

— Правда? — Он посмотрел на меня.

— Да.

— Тогда... можешь... остаться?

— Где остаться?

— Здесь.

Я огляделся.

— Типа в комнате с тобой посидеть?

— Ну да, немножко.

— Хорошо, тебе завтра надо на работу?

— Надо.

— Ладно, побуду тут, пока не уснешь.

Женя вытер слезы под глазами и еще сильнее размазал тушь.

— Я тогда пойду умоюсь.

Он высвободился и ушел. Я лег на кровать, и меня догнал алкоголь — невозможно захотелось спать. Женя вернулся минут через десять уже без косметики и выключил свет. Затем направился к шкафу, снял платье, колготки, надел безразмерную майку и залез под одеяло. Теперь он лежал в полуметре от меня. Света из окна хватало, чтобы разглядеть силуэт: волосы рассыпались по подушке,

тонкая шея, острые плечи. Я подвинулся ближе.

— Ну ты как?

— Нормально.

И прежде чем я успел подумать что-то осмысленное, тело само двинулось к нему. Я обнял Женю и инстинктивно, так как привык с девушками, одной рукой прижал к себе, а другую подsunул под голову. Он тихо выдохнул, расслабленно обмяк на моем плече, и вскоре мы оба уснули.

Глава 5. Нет

Наутро я проснулся с ужасной эрекцией. Жени уже не было. В памяти со страшной скоростью проносились вчерашние события. Голова раскалывалась, и я еле заставил себя встать за ибупрофеном. Лег обратно, но и через десять минут ситуация между ног не поменялась. Я перевернулся на бок, посмотрел на подушку Жени и вдруг вспомнил сегодняшний сон, а следом — все, что было после.

Я был персонажем из BG3 — здоровенным красным тифлингом — и стоял в нескольких метрах от героини Жени. Она увлеченно болтала с туповатым колдуном, которого мы взяли в команду. А затем он поцеловал ее: нагло и без разрешения. Я кинулся навалить ему, но руки и ноги застыли на месте, а из горла не выходило ни звука. Так и смотрел, постепенно осознавая, что ей это нравится.

А потом я проснулся среди ночи. Женя все еще спал на моей руке, и она так затекла, что потеряла чувствительность. Я осторожно вытащил ватную конечность, перетерпел колики от вернувшейся в ткани крови и снова повернулся к Жене. Из головы не шел сон, сердце не успокаивалось. Внезапно он шевельнулся и вздохнул.

— Не спишь? — спросил я.

— Проснулся, когда ты руку убирал, — хрипло отозвался Женя.

— Хочешь, назад положу?

— Хочу.

Я подсунил ее обратно на растерзание неминуемому обескровливанию, другой рукой обнял Женю за талию и вдруг снова вспомнил сон. В один миг меня полностью захватила ревность, и я яростно поцеловал его в шею. Он затаил дыхание.

— Все хорошо? — прошептал я.

— Да... Не останавливайся...

Во мне как будто отключился предохранитель, и я накинулся на него с такой страстью, которой и близко не бывало раньше. Я трогал грудь Жени, а он выгибался навстречу, терся об меня и высоко стонал. Я прижимал его бедра к себе и возбуждение быстро достигло такого пика, что уже через пару минут для меня все закончилось, даже через одежду. Я отдышался и уткнулся ему в спину.

— Ты... ну...это? — с сомнением спросил Женя.

— Угу, — отозвался я, положил ладонь ему на нижнюю часть живота и повел ее вниз.

— Нет, — Женя резко остановил мою руку. — Не надо туда. Просто погладь меня.

Я притормозил, захотел развернуть его к себе и поцеловать в губы, но после вчерашнего алкоголя от меня так плохо пахло, что самого мутило, и я не решился. Движения стали мягче, нежнее и через несколько минут совсем прекратились. Женя гладил меня по предплечью, а потом мы снова уснули.

Сейчас, когда воспоминания вернулись, игнорировать эрекцию стало невозможно, я зажмурился и запустил руку в штаны. Все получилось быстро и легко. Голова уже не болела, и физическое состояние значительно улучшилось, но моральное стало хуже некуда. Я гей?

Нет, не может такого быть. Мне всегда нравились девушки, не мог же я за один вечер сменить ориентацию? Не люблю я мужиков и точно знаю это. К тому же Женя утверждал, что сам не гей. Тогда кто?

Я с трудом поднялся, прошлепал на кухню, попил воды и выглянул в окно: туман стоял белой стеной, и даже двор не просматривался. Но вдруг обрушился ливень. Косые струи захлестали по крыше, и я, живущий на последнем этаже, отчетливо это слышал. Они били почти музыкально, и в этом грохоте мне почудился странный ритм, дающий надежду.

Ладно, сейчас во всем разберусь. Я включил ноут и открыл нейросеть. Несколько секунд смотрел на пустую строку, а затем написал:

«У меня есть друг. Мы знакомы с детства. Он всегда был странным, но в последнее время особенно. Делает женских персонажей в играх, говорит за них в женском роде. А вчера оделся в женскую одежду и накрутился. Я думал, что он гей или фембой, но друг все отрицает. С геями пробовал ходить на свидания, ему не понравилось. Сказал, неприятно, как они на него смотрят. Еще он не любит свое полное имя, просит называть его Женя. А когда я случайно написал ему „что сегодня делала“, он ответил „не скучала“. Что все это значит?»

Я перечитал и нажал Enter. Ответ появился почти сразу.

«Однозначно определить гендерную идентичность человека по поведению нельзя. Женственная одежда, макияж, персонажи в играх или использование женского рода сами по себе ничего не означают наверняка. Но сочетание описанных признаков характерно для трансгендерных людей. Возможно, ваш друг — трансгендерная девушка или находится в процессе осмысления гендерной идентичности».

Я перечитал последнее предложение, потом еще несколько раз и быстро напечатал:

«В каком смысле девушка? Он мужского пола».

«Трансгендерную девушку могли с рождения воспринимать как мальчика, тогда как сам человек ощущает себя девушкой или женщиной. В таком случае женская одежда или женский род воспринимаются не как переодевание в кого-то другого, а, наоборот, как возможность выглядеть и существовать более естественным для себя образом».

Я тупо уставился в экран и протер его, будто надеялся стереть информацию из головы.

«Почему тогда он сказал, что не фембой?»

«„Фембой“ и „трансгендерная девушка“ — разные понятия. Фембой идентифицирует себя как мужчину или юношу, которому нравится женственное самовыражение. Трансгендерная девушка, напротив, идентифицирует себя как девушку, что не обязательно означает переодевание, хотя такое часто встречается».

Я медленно убрал руки с клавиатуры. Получается, если Женя не хочет быть женственным парнем... Если Женя хочет быть...

«А как вообще такое происходит? Почему человек рождается парнем, но думает, что он девушка?»

«Точнее будет сказать: почему человек, которому при рождении определили мужской пол, может ощущать себя девушкой. На этот вопрос нет простого ответа. Гендерная идентичность формируется в результате сложного взаимодействия биологических факторов и развития нервной системы. Исследователи признают роль генетики, воздействия половых гормонов во внутриутробном периоде и особенностей развития мозга».

«То есть у Жени женский мозг?»

«Формулировка „женский мозг в мужском теле“ слишком упрощает ситуацию. Но исследования обнаруживали у групп трансгендерных людей особенности структуры или работы мозга, которые значительно отличались от показателей цисгендерных людей. То есть тех, чье самоощущение и пол, определенный при рождении, совпадают».

Я вскочил на ноги и ощупал себя. А у меня-то все совпадает? Я мужчина, и согласен с этим. Тело тоже нормальное, хотя с бургерами надо полегче. Я снова плюхнулся в компьютерное кресло.

«То есть это врожденное? Человек не может сам решить стать девушкой? Из-за выгоды, например?»

«Нет данных, что человек может произвольно выбрать гендерную идентичность так же, как выбирает одежду, профессию или увлечение, а попытки изменить самоощущение человека принудительно не дают результатов и повышают риск суицидов. При этом момент, когда человек осознает свою идентичность, может сильно различаться. Обычно это ощущается еще в детстве, но осознание может прийти в подростковом или взрослом возрасте. На это влияет степень выраженности дискомфорта, социальная среда и информированность».

Нет, это чушь какая-то — я закрыл вкладку.

Я бы знал! Он бы сказал!

Снова развернул браузер:

«А почему он ничего не говорил?».

«Возможных причин много. Человек может только начинать понимать свои чувства. В плохо информированной среде мысль, что ты другого пола, может быть неинтуитивной и опасной. Важно учитывать, что признаться близкому человеку иногда труднее, а не легче. Чем важнее отношения, тем больше человек боится их потерять».

«А что он при этом чувствует?»

«У некоторых трансгендерных людей возникает гендерная дисфория — выраженный дискомфорт, связанный с телом или с тем, как их воспринимают окружающие. Например, человеку может быть неприятен голос, растительность на лице, форма тела, половые признаки, мужское или женское имя, местоимения. Существует и противоположное переживание — гендерная эйфория: чувство комфорта, облегчения или радости, когда внешность человека или отношение окружающих совпадает с тем, как он воспринимает себя».

«Например, если его случайно назвали в женском роде?»

«Да. Для человека с женской гендерной идентичностью обращение в женском роде может вызывать такое чувство».

Я вскочил с места и заметался по комнате, болтаясь между диваном и столом. Нет, нет, нет! Так не бывает! Женя — гей! Это нормально. Я тогда, получается, би. Но он не девушка! Он — мой лучший друг, а я не умею дружить с девушками. Мне с ними сразу секса хочется, а с Женей... Я замер.

Нет! Всего один раз, это не считается!

Телефон завибрировал, пришло новое сообщение от Жени.

«Дим, я приеду через неделю. Дома ЧП. Бабушка умирает. Мне нужно быть».

Ну и хорошо. Это даже к лучшему. То есть, плохо, конечно, но Женя ненавидит родственников, так что ладно. А мне надо серьезно подумать. Я взял мобильник и

набрал:

«Ок».

Ответа не пришло, и я снова бросился за компьютер.

«И что? Он захочет сменить пол?»

«Очень вероятно. Зачатую трансгендерные люди хотят совершить гендерный переход. Единого сценария не существует, можно выбрать разные элементы, в том числе медицинский переход».

«Это как?»

«Медицинский переход включает гормональную терапию и различные хирургические процедуры. Конкретный набор зависит от желаний человека, состояния здоровья и доступности медицинской помощи».

«Что делает эта терапия?»

«Феминизирующая гормональная терапия направлена на снижение действия тестостерона и создание уровня эстрогенов, позволяющего развиваться женским вторичным половым признакам. Со временем могут происходить: развитие молочных желез; перераспределение подкожного жира, уменьшение мышечной массы и силы; изменение кожи, которая становится более мягкой и менее жирной; уменьшение спонтанных эрекций; снижение объема яичек; снижение выработки сперматозоидов и фертильности; уменьшение роста волос на теле. Изменения происходят постепенно, обычно в течение месяцев и лет».

Внутри все сжалось. Как можно хотеть снизить тестостерон? Объем яичек. Я потрогал себя ниже пояса. Так, друзья, все хорошо, вам ничего не грозит. И задумался: вообще же не смешно! Это ненормально, и Женя, похоже, сошел с ума. Одежда, макияж... Он пытается понять, как будет выглядеть?

«У него изменится лицо?»

«Да, черты лица могут визуально измениться за счет перераспределения подкожного жира и структуры кожи».

«А голос станет выше?»

«Если человек уже прошел мужской пубертат, эстроген не делает голос выше, поскольку изменения гортани и голосовых связок, вызванные тестостероном, необратимы. Но трансгендерные женщины занимаются тренировкой голоса. В некоторых случаях существуют хирургические методы изменения связок».

В последнее время Женя стал говорить выше.

«А волосы на лице?»

«Эстроген и снижение уровня тестостерона могут замедлить рост волос на лице, но уже сформировавшаяся борода обычно не исчезает полностью. Для долговременного удаления волос используют лазерную эпиляцию или электроэпиляцию».

«А член?»

Я поморщился. Ух, можно было и покультурнее сформулировать.

«Феминизирующая гормональная терапия не приводит к исчезновению полового члена».

«А если он захочет убрать?»

«Существуют операции, позволяющие изменить наружные половые органы. Например, при вагинопластике из имеющихся тканей формируют наружные женские гениталии и, в зависимости от выбранной хирургической методики, влагалищный канал».

Господи, какой кошмар! Я ощупал мошонку. Как же хорошо, что это не моя проблема.

Вдруг мне стало страшно за Женю. Если решится на это, сколько же он проживет?

«Гормоны сокращают жизнь?»

«Нет, это распространенный миф. Гормональная терапия не просто не сокращает жизнь — для многих трансгендерных людей она улучшает психическое состояние, снижает риск суицида и хронического стресса, поэтому в исследованиях ее связывают с улучшением общего здоровья и выживаемости. Однако существуют риски, и дозировка обязательно подбирается врачом. При правильном контроле положительный эффект несоизмеримо выше негативного».

А если Женя ошибся? И просто испортит себе тело? Риски еще какие-то. Я думал, что знаю его. Но кто этот человек? А я ним живу! И сегодня ночью... Меня передернуло.

Хорошо, что его неделю не будет. А как вернется, пусть идет к психиатру.

И съезжает.

Глава 6. Туман

Я зашла в дом к бабушке, бросила рюкзак на кровать, легла и свернулась калачиком. Каждая деталь интерьера возвращала чувство неподлинности, что преследовало меня всю жизнь. Люди вокруг принадлежали какому-то из миров: ладили с родителями, с друзьями, возлюбленными, а я везде чувствовала себя чужой.

Изредка туман расступался, и я ощущала что-то настоящее. Когда в детстве кто-нибудь выкрикивал: «Посмотрите, какая красивая девочка», я сразу оборачивалась, но тонкая нить быстро разрывалась, разрезалась несколькими словами: «Это не девочка, это наш сын — Евгений».

Я ненавидела свое полное имя, и хотя в детстве еще не думала о себе в женском роде, мне просто нравилось слышать — Женя. А когда какой-нибудь мальчик решал поумничать и говорил: «Женя — это женское имя», я до того радовалась, что еще несколько дней останавливалась посреди дороги и смеялась. Но другие люди не позволяли этому чувству стать обыденным, его все равно кто-нибудь отнимал.

Однажды в детском лагере меня в очередной раз назвали Женьком, и я не выдержала, убежала в рощу с лезвием, привезенным другой девочкой, и вырезала себе на руке: «Женя — это женское имя». Вожатые быстро все заметили, тут же позвонили родителям, и меня забрали домой.

— Зачем ты это сделал? — мой крупный, рыхлый отец сидел напротив: ноги широко расставлены, во взгляде холодное осуждение пополам с уверенностью в собственном всемогуществе. Будто одно его слово, одно решение, идущее из его «мудрой» головы, — и даже солнце больше не будет светить. Иногда мне казалось, что весь наш город заперт в этом тумане только потому, что когда-то папа ему все запретил.

— Не знаю, — ответила я, стараясь говорить поменьше, надеясь, что так у него не будет поводов ко мне обратиться.

— Что это значит? — отец сцепил руки в замок. — Женское имя! Ты что, считаешь себя девочкой?

Он поднялся, угрожающе навис надо мной и сжал кулак.

— Нет, — я прикрылась руками, слишком хорошо знала, чем заканчивается сопротивление.

— Правильный ответ, — его ладонь расслабилась. — Но ты должен хорошо это запомнить.

Я открыла глаза, отец уже начал растягивать ремень. Бляха клацнула, будто в нетерпении.

После этого я начала искать проблему в себе и больше не мечтала когда-нибудь стать девочкой. Моих чувств это не изменило, но теперь мне все время было стыдно.

В восьмом классе у меня появилась подруга, и мы часто смотрели фильмы и болтали. Она красила мне веки и губы, давала примерять одежду. Я думала, Соня все понимает, чувствует, просто не говорит, но потом она влюбилась в меня, и туман забрал ее.

В одиннадцатом классе я прислушалась к совету матери — она настойчиво предлагала хотя бы попробовать найти девушку — и я решила заняться с кем-нибудь сексом. Вдруг это исправит меня? Сделает мальчиком? Ничего не получилось, но добавилось чувство униженности:

«Тебе всего восемнадцать, а ты уже импотент!»

Всю жизнь я пряталась, искала укромные уголки, наблюдала за насекомыми в парках. Больше всего меня привлекали бабочки, ведь я тоже надеялась когда-нибудь вылупиться. А еще я как-то посмотрела фильм «Милые кости», где героиня умерла, но продолжала смотреть на мир со стороны. И это была я! Застряла далеко от настоящей жизни, где ни один принц не придет за мной, потому что даже не знает, что я принцесса.

С каждым годом взросления ситуация только ухудшалась. Тело менялось: волосы на лице я тщательно депилировала, а на ногах и руках — брила, но они продолжали расти, и их становилось только больше. А голос... Внутри я всегда воспринимала его выше, но когда слушала записи, сразу хотелось плакать.

Дима — единственный, кто скрашивал мои мучения. Он — мужественный до карикатурности — любого заставлял чувствовать себя тенью. Высокий, крупный, с чернящей бородой, которая, казалось, выросла еще в детском саду. Он всегда помогал мне, сначала в школе, потом с поступлением в институт. Не знаю почему, но Дима очень хотел, чтобы мы учились вместе. И хотя он считал себя душой компании, компании у него никогда не было. Слишком самоуверенный, он ничего не видел вокруг себя. А потому мне особенно нравилось, что каким-то чудом Дима разглядел меня.

Он писал по двадцать сообщений в день, рассказывал про все, что происходило в его жизни. Даже то, чего я не желала знать. Особенно про влюбленности. Я заставляла себя читать сообщения, потому что это обязанность «лучшего друга». И хотя я уже любила его, все равно придумывала тысячи объяснений своих чувств, даже такие абсурдные, как: «сексуальное желание — неотъемлемая часть мужской дружбы».

Что он сейчас делает? Наверное, об этом лучше вообще не думать, особенно в свете того, что было ночью. За неделю Дима точно переменит мнение и больше никогда не захочет меня видеть. И его последнее «Ок» — холоднее не придумаешь. Раньше он бы задал десятки вопросов, а теперь...

Я дотронулась до шеи. Его касания... Такие, как надо. Впервые в жизни. Точно звездопад, только звезды не улетели за горизонт, а остались на коже, и, если закрыть глаза, можно ощущать их...

— Евгений, помоги бабушке, — с укором сказала мама. — Разлегся тут! Мы не для этого приехали.

— Иду, — отозвалась я, встала и прошла в комнату умирающей.

Бабушка возвышалась бесформенной горой на двуспальной кровати в окружении ковров и икон: бледная и застывшая, словно куча глины. Она болела уже давно и страдала, но как только я пыталась пожалеть ее — сразу вспоминался каждый удар веником. Бабушка била меня еще ребенком даже без особенной провинности. Синяков это не оставляло, но пыль оседала на одежде, будто укоряя меня, будто шепча, что хотя она всего лишь грязь, но грязь настоящая, а я даже настоящей считаться не могу.

У бабушки сложились особенные отношения с грязью. В детстве она регулярно кормила ею отца. Говорила, что у него «грязный рот», а раз так, то нечего переводить продукты — пусть ест землю. Она зачерпывала горсть почвы и размазывала по папиным губам и щекам.

Кажется, у бабушки что-то с головой. Иногда она часами говорила с иконами. И не так, как обычно, когда молятся или просят помощи, а будто и правда видит святых и при этом ненавидит. Не любила она и животных. Многие в деревне топили котят, но бабушка делала это с удовольствием.

Как позже рассказывала мама, отцу доставалось еще чаще, чем мне, и она ставила

ему в большую заслугу, что меня отхаживали ремнем только «за дело». Мама выросла в детском доме, где много лет назад и познакомилась с папой, которого отправили туда из-за бабушкиных выходов. Однажды та подожгла его постель, чтобы изгнать из сына демонов огнем.

Но бабушка вела себя так не только с маленькими. Два года назад она пырнула отца ножом в живот, и он едва не умер. Конечно, папа не заявил на собственную мать, но ездить к ней стал еще реже.

— Ты звала меня, бабушка, — я подошла ближе и наклонилась к изголовью кровати.

Вечно искаженное злобой лицо напоминало потрескавшуюся в засуху почву, которая намертво прилипла к коже по линиям морщин.

— Подай воды, — просипела она.

Я взяла кружку и протянула ей. Бабушка зацепила ее за ручку дрожащими пальцами, и вода выплеснулась на постель и на меня.

— Ух, какой уродец, — хрипло протянула она, глядя мне в глаза, и улыбнулась.

Я налила еще воды и поднесла кружку к бабушкиным губам. Почему-то именно сейчас, вопреки всему, мне впервые стало ее по-настоящему жаль. Ведь когда-то и она была юной девушкой. Может, заметь кто-то подступающее безумие раньше, у нее был бы шанс. Сейчас столько специалистов, лекарств, а она лежит тут, среди людей, но одна, презираемая всеми.

— Пей аккуратно, а то подавишься, — сказала я.

— А ты бабке не указывай, как пить. Ишь какой! — она отхлебнула, а затем больно ущипнула меня за руку.

— Ай, — воскликнула я.

— Не ори, зассанец. Мне больнее!

Бабушка опустила голову на подушку и закрыла глаза. Я тихо выскользнула из комнаты.

По дороге на улицу меня перехватил отец. Выглядел неплохо, в глазах играл водочный блеск, будто он уже начал отмечать скорую кончину матери.

— Ну что? Не надумал домой? — Вдруг спросил он.

— Нет, — я попыталась пойти мимо, но отец перегородил путь.

— Пойдем водочки со мной выпьешь.

— Не хочу.

— Пойдем, — он потянул меня за локоть. — Мать несколько дней не видел. Она извелась вся.

Я подчинилась и потащила за ним. На столе в кухне уже остывал обед: куриный суп, салат из огурцов и помидоров, картошка и, конечно, водка. Три рюмки, мне уже налили. Мама, иссохшая женщина в темных брюках и бесформенной кофте, только недавно закончила готовить и сидела на табуретке без сил.

— Пей давай, — сказал папа, чокнулся со мной и опустился на стул.

Я отставила водку в сторону и принялась есть — вдруг не заметят.

— Мать за тебя переживает, — продолжил отец, урабатывая котлеты. — Вы же там с этим Димой сопьетесь вдвоем. Его родители-то как? Ничего им, что два молодых парня вместе живут? Не знают, что ли, что девок водить будете да бухать.

— Никто никого не водит и не бухает, — тихо отозвалась я.

— Жень, — вступилась мама. — Я все понимаю, дело молодое, хочется свободы. Но кто ты и кто он? Мажор. Все прокутит, а денег и не убавится, родители еще дадут! А тебе никто не поможет. Зря ты, что ли, на работу пошел?

— Я и так, и так собираю... — в горле сдавило, — ...лся съезжать. Мне уже двадцать, и я хочу жить самостоятельно.

— А почему бы не сделать это после окончания института?

— Мам! — воскликнула я.

— Не повышай голос на мать! — приказал отец.

— Я не... я случайно, прости меня.

Ненавистный, ненавистный низкий голос! Чуть громче — и уже получается слишком.

— Мне нравится с Димой, он мой лучший друг, — твердо сказала я, уже не уверенная, что это так. — Тем более мы вместе учимся. Будем друг другу помогать.

— Не друг он тебе, — встрял отец. — Друзья — это все так, до поры до времени. У каждого человека есть только семья. Только кровь тебя никогда не предаст, — он опорожнил рюмку и закусил огурцом.

Я промолчала и принялась за суп. Если отец все-таки заставит пить, то хотя бы не на пустой желудок.

— Нет, ты заканчивай это и давай домой, — не унимался он.

— Сереж, — мама со значением посмотрела на него. — Не ходи вокруг да около — скажи ему.

— Да как, Лен? — он мгновенно побагровел. — У меня на такое даже язык не поднимается.

— Тогда я сама, — мама махнула кистью, наклонилась ко мне и взяла за руку. — Евгений, ты, если вдруг решишь что плохое сделать, сначала двадцать раз подумай, как оно на Божьем суде-то будет.

— Ты о чем? — Я с непониманием оглядела мать.

— О чем, о чем, — ее перекосило. — О твоих пидерастических наклонностях. Думаешь, мы не видим? Эти твои манеры? Ужимочки?

— Что?! — Я вскочила с места.

— В интернете пишут, что это лечится, — уверенно сказала она. — У доктора. У психиатра.

— Я не гей! — воскликнула я. — И Дима не гей! С ума, что ли, посходили?!

— Я же говорил, Лена, — отец облегченно выдохнул, налил еще водки и выпил. — Это мода у него такая. Все эти рисуночки, — он обвел взглядом мою яркую одежду. — Аж отлегло. А то как в глаза-то людям смотреть? Меня на работе всегда уважали.

Папа ухватил еще котлету и безразлично сказал:

— Тогда пусть живут, черт с ними. Меньше народу, больше кислорода.

Я отставила суп, встала и твердо проговорила:

— Пойду в комнату.

— Иди, — позволил отец.

Мать больше не подавала голос.

Я заперла дверь, бросилась на кровать, укрылась с головой одеялом и обняла себя. Это никогда не закончится. Этому просто не будет конца. Что же делать? К родителям я больше ни ногой, а Дима меня выгонит.

Я посмотрела на телефон. Не писал. Естественно, зачем ему писать? Наверное, уже собирает мои вещи, а когда вернусь, просто выставит их на лестничную клетку и даже не посмотрит на меня. Только бы не потерять работу, сама я как-нибудь выживу. В центре поддержки сказали: если накоплю хотя бы тысяч триста — уже можно переехать. Сначала в нейтральную страну, а потом куда получится. Нужно помнить, что говорил психиатр, и держаться выбранного курса. Перед глазами всплыло лицо первого и единственного человека, который понял меня.

Глава 7. Профессионал

Женский род пришел ко мне только год назад. Тогда я познакомилась с двумя лесбиянками, которые думали, что я гей, и признавали все варианты ориентаций, но ненавидели трансгендеров. И когда они в очередной раз описывали их «ненастоящие» чувства, я все поняла.

Тогда же начала думать о себе в женском роде. Несмотря на то, что я всю жизнь мыслила по-другому, мое истинное, родное местоимение за секунду вшилось в мозг. Будто в глубине души я всегда это знала, просто переводила слова внутри, каждый раз лишая прекрасные глаголы прошедшего времени того самого окончания. А. Мечтала. Гуляла. Любила. А прилагательные... Какие чудесные склонения... Умная... Добрая... Красивая...

Я засела на русско- и англоязычные форумы, где нашлись сотни и тысячи трансгендерных женщин с одинаковыми переживаниями. Точно такими же, как у меня. Как будто мы все — сестры, и у нас одно сердце, общее понимание вещей. Я с завистью смотрела на девушек, которые уже сделали переход, и с грустью на тех, кому повезло меньше: слишком высокий рост, широкие плечи, тяжелые черты лица. Я прилипла к зеркалу — всего метр семьдесят четыре. Отлично.

Тогда же я начала краситься, а потом выкладывать фотографии в приложения для знакомств, и мне писали гетеросексуальные мужчины. Они не сомневались, что я женщина, и правильно обращались. И даже снисходительные фразы вроде: «Эх, девушки, что с вас взять?» — радовали меня. Но как только доходило до свиданий или предложения созвониться, я исчезала. Куда деть этот ужасный голос?

Через месяц я пошла к психиатру. На сайтах рекомендовали переигрывать: кричать, что покончишь с собой, а если не получишь справку — отрежешь член. Врачи привыкли к такому театру и всех остальных объявляли «ненастоящими». Они мало знали, не читали современных исследований и опирались на крайние случаи, когда к ним привозили людей, уже навредивших себе.

В кабинете меня встретил довольно молодой, представительный мужчина в белом халате и круглых очках. Я сразу сжалась и даже хотела уйти. Сейчас он просто посмеется или вообще накричит.

— Здравствуйте, — сказала я и все же прошла внутрь.

— Здравствуйте, — ответил доктор, оторвался от записей и улыбнулся. — Чем вы ко мне?

— Я... — ноги подкосились, хорошо, что стул оказался рядом. — Доктор, кажется... я не мужчина.

Он внимательно оглядел меня, отодвинул мышку компьютера подальше, будто она подслушивала, и спросил:

— Тогда кем вы себя ощущаете?

— Женщиной, — я опустила глаза.

Он кивнул, будто ответ его устроил. Хорошо хоть не кактусом.

— Как давно появились такие мысли?

— Не очень давно, — я сжала ткань рукава, — но ощущение было всегда.

— Правильно я понимаю, что вы пришли, потому что хотите дальше жить как женщина?

А можно? Он серьезно?

— Мне бы очень этого хотелось, — ответила я.

— Как я могу к вам обращаться и какое местоимение вы предпочитаете?

— Женя, она.

— Евгения, значит, — он сосредоточенно полез в компьютер. — Хорошо. Тогда сейчас я задам вам несколько вопросов. Отвечайте честно, это не проверка. Просто так мне будет проще понять вас.

— Ладно.

Сейчас он заведет какую-нибудь карту, и меня уволят.

— У вас есть дискомфорт, связанный с вашим телом?

— Постоянный, — я обняла себя за плечи. — С самого детства. Но в последние годы все особенно плохо.

— Что в вашем мужском теле вызывает у вас наибольший дискомфорт?

Около десяти минут я перечисляла все. Меня точно прорвало, а он только слушал и делал пометки в программе.

— Если бы у вас была возможность изменить тело и постоянно жить как женщина, вы бы это сделали? — буднично спросил он.

— Да! — воскликнула я и привстала с места.

— Вы понимаете, что медицинские изменения необратимы?

— Понимаю! — я вертелась на месте, не в силах усидеть ровно. — Доктор, я не сошла с ума?

— Не похоже, — спокойно сказал он. — Ваши переживания очень характерны для картины выраженной гендерной дисфории по классификации МКБ.

— Но люди считают, что я выдумываю. Мои родители...

Доктор оторвался от монитора и ровным тоном сказал:

— Они могут считать что хотят. Но редко кто задает себе простой вопрос: а с чего бы вам выдумывать... такое?

Я рассмеялась. И правда.

— Но я все равно проверю вас по диагностически значимым критериям на наличие психического расстройства, — продолжил он. — В вашем положении вполне могла прицепиться тревожность, обсессивно-компульсивное расстройство или депрессия.

Я согласно закивала. Дальше доктор спрашивал, когда впервые появилось ощущение, что со мной что-то не так, слышу ли я голоса, были ли периоды, когда я почти не спала, употребляю ли наркотики, случались ли мысли о самоубийстве. Спрашивал долго и подробно, иногда возвращался к уже заданному вопросу и формулировал его немного иначе. Затем сделал последние пометки и подытожил:

— Судя по всему, тревожное расстройство у вас все-таки есть, но оно объясняется стрессом, который вы переживаете каждый день. Вы часто бываете у врачей?

— Не очень, — я опустила глаза.

— Я дам вам контакты тех, кто работает с трансгендерными людьми. К сожалению, в соответствии с текущим законодательством я не могу выписать вам справку, по которой можно пройти гормональное лечение в нашей стране. Опоздали на пару лет. Но как психиатр дам рецепт на противотревожные.

— И как же мне быть?

— Я не могу ответить на ваш вопрос. Кто-то ждет наступления лучших времен, кто-то уезжает. Но я также пришлю список организаций, где вас бесплатно проконсультируют.

— А что делать сейчас?

Даже не верится. На меня не наденут смиренную рубашку? Не обколют успокоительными?

— По опыту трансгендерным людям помогает окружить себя вещами, снижающими дисфорию. Правильная одежда дома, общение с теми, кто принимает вашу идентичность и использует нужные местоимения. Чаще бывайте там, где вы можете быть собой.

Нет у меня таких мест...

— Спасибо вам.

Дурацкие слезы. Сейчас он подумает, что я психичка, и заберет свои слова назад.

— Простите... Я не плачу.

— Это нормально, Евгения, — он наклонился и кивнул на мою руку. — Можно?

Я прошептала «да», и он коснулся меня. Моей мужской ладони. Даже не побрезговал.

— Вы справитесь, — продолжил он, — Раз смогли вытерпеть гендерную дисфорию — сможете и все остальное.

Выйдя от психиатра, я твердо решила, что уеду. Мне все равно не нравилось программирование, я пошла туда только из-за Димы, но теперь... Он не поймет. Даже рассказывать ему не буду. Домучаюсь до лета, найду работу, съеду от родителей и накоплю деньги.

Так я и сделала. Теперь у меня появилась цель. И хотя я до тошноты боялась последствий, осуждения, физического и морального наказания, я впервые чувствовала, что живу настоящей жизнью, а не той, что выбрали за меня.

Глава 8. Кровь

Бабушка умерла через шесть дней, и никто из соседей не пришел с ней проститься. Я стояла напротив гроба в зале, пытаюсь запомнить черты ее лица. Мама с отцом громко переговаривались на кухне, обсуждая технические детали похорон.

— Бабушка, бабушка, — прошептала я. — Что же тебя так мучило, что ты прожила такую страшную жизнь?

Мне отчетливо привиделось, как на ее месте лежу я, а вокруг никого. Или хуже... Вокруг много людей, и все они подходят, чтобы плюнуть мне в лицо, а на лбу у меня наклейка, чтобы не перепутали в морге, с надписью: «Евгений».

В груди закололо. Как же страшно остаться совсем одной... А я ведь и так уже одна. За все это время Дима ни разу не написал. Такого никогда не было. Испугался... Хотя я даже ничего еще не сказала. Доктор ошибся, с этим невозможно справиться.

Через несколько минут подошел папа. Не глядя на покойную мать, бросил:

— Женя, надо гроб до машины помочь донести.

— Мне? — Я с ужасом посмотрела на бабушку. Вдруг я ее уроню? — А разве родственникам можно?

— А некому больше, — буркнул отец и развел руки в стороны.

— А сотрудники ритуальной службы?

— Я не стал нанимать. Деньги еще тратить. Сами до катафалка допрем.

— Может, я заплачу кому-нибудь?

— Плати, если делать нечего, — он обернулся на покойную. — Но в машине только старый водитель.

— Ладно, — я встряхнула пальцами, — пойду поищу кого-нибудь.

— Да что ж ты за тюфяк такой, — презрительно фыркнул отец. — Мужик — а ничего сам не можешь. И в кого только такой уродился?

Затем он развернулся и бросил через плечо:

— Всю жизнь за тебя стыдно.

Я промолчала. Как всегда. Унижение за унижением.

Затем выскочила на улицу и рванула куда глаза глядят. В соседнем дворе увидела троих крепких мужиков, игравших в карты за деревянным столом, сколоченным из досок.

— Дама! — воскликнул один.

— Король! — прогрохотал другой, побил карту противника и сверкнул золотым зубом.

— Здравствуйте, — начала я.

На меня воззрились три пары глаз, и один из мужиков, с голым торсом и татуировкой на все пузо, засмеялся:

— Это что такое? Ты кто? Парень че девка?

Сказать, что девушка? Побьют... Парень? Нет, не могу...

— У меня там в соседнем дворе бабушка умерла. Пожалуйста, помогите донести гроб. Сначала до машины, а потом до места. Я денег заплачу.

Мужики заговорщицки переглянулись и синхронно отложили карты.

— Поможем? — спросил у друзей тот, что с татуировкой.

Они уверенно кивнули.

— А сколько денег дашь?

— А сколько за это надо?

— Пять тыщ, — шепеляво отозвался самый мелкий. — Каждому.

Пятнадцать тысяч... Так много...

— Хорошо, — печально ответила я.

Мужики снова переглянулись и расхохотались.

— Да брось ты, ладно, — снова подал голос первый. — На всех пять тыщ хватит!

— Спасибо вам большое, — я искренне улыбнулась им и обернулась. — Пойдемте тогда, пожалуйста, все уже ждут.

Отец недовольно пыхтел, но помощь веселых мужиков принял. Те даже не отпустили ни одного неуместного комментария, а, напротив, горячо выражали соболезнования.

На кладбище нас уже ждал нарядный священник, и пришла одна бабушкина соседка — сгорбленная старушка в халате в горошек. Она сетовала на никудышную подругу, вспоминая о долге, который та так и не отдала. Отец покраснел и смотрел в сторону, а мать сделала вид, что ничего не услышала.

После того как гроб утонул в земле, соседка фыркнула и пробухтела, обращаясь к тем же мужикам:

— Ты глянь. Сразу видно, городские. Это ж внук ее. Даже гроб сам не понес. Нежные все стали. Куда только мать с отцом смотрят.

Папа перевел на меня озверевший взгляд, я опустила глаза. Затем катафалк уехал, я расплатилась с мужиками, и мы с отцом и матерью направились домой пешком через хвойную рощу. Папа всю дорогу молчал, только периодически цокал языком, но вдруг он все-таки заговорил:

— Вот трудно было бабкин гроб понести?

Я не ответила. Терпи. Терпи. Терпи.

— Потому ты всю жизнь и хилый такой, что нормальной физической работы избегаешь, — отец с силой ткнул меня в плечо.

Я снова промолчала и схватилась за ушибленное место .

— Сереж, хватит! — мать встала между нами. — Мы тут за пару дней все поделаем и в город поедem, а дальше я сама буду с участком разбираться.

— Нет, я просто не могу этого понять, — отец пристально вглядывался мне в глаза. — Смотрю на него и не верится, что сын родной. Не будь ты моя кровь, я бы...

Он отпихнул мать и схватил меня за подбородок. Я оттолкнула его руку и двинулась к дому.

— Я — нормальный отец, — продолжил он и указал на жену. — Ты — нормальная мать, а он... — отец догнал меня и снова схватил, на этот раз за руку.

Я потеряла равновесие и подвернула ногу. Боль разошлась от голени и выше. Злость ударила в виски и глаза.

— У всех дети как дети, — расходился он, — а у нас-то почему сын такой?

Я остановилась, развернулась и прохрипела:

— Какой такой?

— Какой какой, — отец с презрением оглядел меня. — Как баба!

Я взглянула на уродливую, раздутую алкоголем морду отца, затем на тощее, изъеденное стыдом лицо матери и четко, медленно проговорила:

— Потому что я и есть баба.

Мать вскрикнула, отец пробасил:

— Что ты сказал?

— Что слышал, — я сделала шаг назад. — Я не мужчина. Я женщина.

— Сереж, — мать метнулась к нему. — У него от переживаний эти глупости из детства полезли, не обращай внимания! Помнишь, он совсем маленький был еще, только говорить начал и все время себя в женском роде называл. Ну бывает такое, вырос же нормальным.

— Это не глупости! — закричала я. — Я женщина!

Отец сощурился, и его глаза утонули в розовых складках век.

— Женщина, говоришь? — он приблизился. — А между ног у тебя что, женщина?

Нужно уходить. Я развернулась.

— А я тебе подскажу, что там, — он схватил меня за руку и больно сжал. — Это хуй!

— Отпусти, — я попыталась вырваться. — Иначе я больше никогда не вернусь домой.

— Еще как вернешься!

Он дернул меня за волосы и наклонил к земле.

— И чтобы я этого больше не слышал! Быстро скажи. Я — мужик.

— Нет!

— Ну держись!

Отец прижал меня к земле, заглянул в глаза и в этот миг стал похож на бабушку, не внешне — выражением лица.

— Паскуда! — прорычал он. — Раз из твоего грязного рта выходит такое, то и жрать ты будешь землю!

Затем отец зачерпнул горсть жирного чернозема и грубо вымазал мне рот и щеки. Я не кричала и не пыталась вырваться — бесполезно. Потом он пнул меня в бок, плюнул перед собой и направился к дому. Мать метнулась ко мне.

— Сынок, ну зачем ты его провоцируешь? Знаешь же, какой он, когда злится.

Я отплевывалась, ребро ныло, в рот пробрался песок.

— Ты же отца так в могилу сведешь! — Она потянула меня за локоть, поднимая. — Приезжай завтра домой, и мы пойдем к психиатру.

Меня душили слезы, мелкие камешки оцарапали кожу и щипались. Я встала, в последний раз в жизни посмотрела на мать и сказала:

— Я уже сходила.

Глава 9. Ой

Я выбежала к берегу и бросилась умываться речной водой, как вдруг увидела отражение: черная земля прилипла к щекам, как борода. Я принялась хлопать ладонями по поверхности, вызывая рябь, но она быстро успокаивалась, и передо мной снова проступало зеркало.

— Нет! — закричала я и отпрянула.

Затем неуклюже пнула маленький камешек, но промахнулась, и он остался нетронутым.

Даже этого не могу! Я схватилась за голову.

— Лучше бы я вообще не рождалась на свет! Уродка! Ошибка природы!

Я снова кинулась отмывать щеки, водоросли цеплялись за руки, словно звали к себе.

— Я не смогу, не смогу! Всего этого не будет! Я навсегда останусь в этом теле!

Я упала на песок и уперлась в него лбом. Меня всегда будут унижать, отталкивать, бояться... А я сама всех боюсь! Не хочу умереть, как она! Не хочу зависеть от тех, кому не нужна! Я посмотрела на воду.

— Не хочу жить! Не хочу! Не могу больше!

Я бросилась в реку. Вспомнилось глиняное лицо бабушки, опухшее — отца, иссохшее — матери. Я забежала по пояс. Знала — нужно просто выдохнуть воздух, а затем вдохнуть воду и все. Конец. Я инстинктивно набрала полные легкие и нырнула. Выдыхай... Выдыхай...

Вдруг в сознании возникла четкая мысль: А Дима? Нет, нельзя так просто. Нужно хотя бы попрощаться, а то вдруг... вряд ли, но вдруг он будет винить себя.

Я вынырнула, выбралась на пляж и трясушимися руками достала из рюкзака телефон. Напишу так: «Ты ни в чем не виноват, я люблю тебя». Нет, лучше... «Я любила тебя»... Или... зачем ему моя любовь? Просто: «Я так решила сама, ты ни при чем. Будь счастлив». Или «Будь счастлив» тут не очень уместно?

— Ладно! Пусть получится, как получится!

Я открыла мессенджер, но у меня уже висело одно новое сообщение от Димы, отправленное сорок минут назад.

«Жень, понимаю, что не в тему, но как приедешь, надо поговорить»

Я застыла, не веря, что действительно вижу этот текст.

Мне кажется.

Я закрыла приложение и открыла снова, но буквы не исчезли. Поговорить? Я осела на песок и ответила:

«О чем?»

Он прочитал сразу, будто сидел с телефоном в руках.

«Много о чем. Я все эти дни с ума тут схожу».

«Почему?»

«У меня вся жизнь перевернулась после той ночи. Приезжай быстрее. Вместе разберемся».

Он не выкинул мои вещи? И что значит «вместе»? Как два друга? Два парня? Нет. Я больше не смогу слышать этот невыносимый мужской род: либо утоплюсь, либо буду жить открыто. Я снова посмотрела на реку. Надоело! И яростно набрала всего два слова:

«Я женщина».

Вот и все. Пошло оно!

Ответ пришел сразу.

«Я знаю».

Ой...

«Знаешь?»

Печатает...

«Да, ты трансгендерная женщина».

По телу разлилось тепло, как будто неживые пиксели на экране вливали в меня жизнь.

«Ты мне веришь?»

Печатает...

«Верят в деда мороза, а я исследования почитал. И все понял, хотя это жесть как странно. Хорошо, что не забросил английский».

Ой.

Ой.

Ой.

«Ты тут?» — снова пришло от Димы.

«Не знаю, что сказать».

«Тогда давай я скажу. Я жду тебя. И скучаю».

«Как по другу?»

Одна секунда.

Вторая.

Третья.

Четвертая.

Пятая.

Минута...

«Видимо, уже не только».

Я вскочила на ноги и запрыгала на месте, потом упала на песок, засмеялась и начала подбрасывать его высоко над головой. Он осыпался на волосы, лез в глаза, нос и рот. Настоящий песок падал на настоящую меня! Дима все знает! И я нужна ему! Я прикрыла веки, солнце светило сквозь кожу красным.

Спустя пару минут осознала, что ничего не ответила, и набрала:

«Приеду через несколько часов».

Печатает...

«Хорошо, сделаю тебе ужин».

Глава 10. Дима

Около дома меня снова обуял страх: сейчас он увидит мужское тело и начнет путать местоимения, а то и вообще передумает использовать женский род. Одно дело — переписка, и совсем другое — личный разговор. И каждый раз эти качели, будто меня то признают, то лишают права быть собой. Весь мир словно рябит, а я должна вырваться на свободу, чтобы не затянуло назад: на темное, илистое, мертвое дно, где свет различим высоко-высоко, а мне не дотянуться. Но медлить нельзя, а то Дима начнет звонить и атаковать сообщениями. Я задержала дыхание и шагнула в подъезд.

Он встретил меня на лестничной клетке: серьезный и строгий.

— Проходи, давай рюкзак, — Дима протянул руку.

Он причесался? Побрился? Я отдала сумку и проследовала в коридор. Ничего себе, как чисто. Дима помог мне снять куртку.

— Я тебе кофе сделал, — он прошел на кухню и принес кружку. — Еще торт купил и суп сырный сварил.

Я взяла напиток и опустилась на знакомый диван в зале. Что за запах? Ароматические палочки?

— Ты же не готовишь.

— Мама сегодня научила, — он опустился рядом и подогнул ногу в колене. — Мне было плохо, так что хоть отвлекся.

Ни одного гендерного окончания... Он сможет? Я отпила кофе.

— Вкусный.

— А то, — Дима смотрел мне в глаза не отрываясь, затем сглотнул и спросил: — И когда ты собира...лась мне рассказать?

Я улыбнулась уголком рта.

— Я вообще не собира...лась.

— Почему? — строго спросил он. — Ты же мой самый... близкий человек.

— Да? — я отпила еще.

— Да, — он подвинулся ближе. — У меня было время подумать. Я все понял. И во всем тебя поддерживаю.

Я улыбнулась шире, он поднял на меня глаза и будто осмелел:

— Я просто не знал, что ты девушка, у тебя, знаешь ли, убедительная маскировка, — он хмыкнул.

— И как ты понял?

— Погуглил, — Дима указал на компьютер. — Статьи почитал.

— И не считаешь меня больной?

Он тяжело выдохнул.

— Честно сказать, сначала я растерялся... Первые два дня.... В общем, лучше тебе не знать, что я тогда думал, — он приложил руки к лицу. — Но потом осознал, что если ты больной, ой, те есть, больная, тогда я тоже больной.

Ну вот. Началось.

— А ты почему?

— Ты... разве не помнишь, что было той ночью? — он смущенно улыбнулся.

— Помню.

— Ну вот, я не гей. А раз повлекло к тебе, значит, ты — девушка, хотя и с приколом, — он нервно рассмеялся.

Я промолчала, отпила еще. Он посерьезнел и продолжил:

— Как у тебя все прошло с бабушкой? И... что это за царапины на лице?

Я выдохнула и пересказала все события, включая намерения у реки. Дима слушал внимательно, не перебивая, но я видела, как в нем бурлит гнев, сменяясь страхом. Все лицо мелко дергалось, будто кортило.

— Как же хорошо, что я написал! А еще думал не отвлекать! Всегда же заваливаю сообщениями...

— Я решила, ты не хочешь общаться.

— Я хотел! Но надо было подумать, что говорить, а не как обычно. Мне было так стыдно...

— За что? — я насторожилась.

— За то, как вел себя с тобой раньше.

— Ты не знал.

— Твой отец настоящий урод! — внезапно переключился он, подвинулся вплотную, разглядывая раны у меня на подбородке. — Да и мать не лучше, уж прости.

— Не буду спорить.

— Я даже осмыслить этого не могу, — он нежно коснулся кожи моего лица. — Ты реально хотел...а умереть?

Я не ответила.

— Блин, Женя, — он недовольно вскинул брови. — Почему ты мне не доверилась?

— Страшно было, — я наклонилась к нему, — И сейчас... тоже...

— Просто... если бы ты умерла... — он зажмурился. — Даже думать стремно. Поклянись, что, если станет так же плохо, ты расскажешь.

— Я не хочу умирать. И тогда не хотела, просто меня накрыло отчаяние... Ну... и кое в чем отец прав.

— Ни в чем он не прав, — отрезал Дима.

Я поставила кружку на пол:

— Дим, у меня же и в самом деле... член.

Он медленно приблизился и нежно погладил меня по волосам, затем улыбнулся привычной дурацкой улыбкой, словно через всю нынешнюю серьезность пробился мой лучший друг и сказал:

— Ой, да ладно... Маленький девчачий писюнчик, подумаешь.

Я так рассмеялась, что даже подавилась.

— И ничего не маленький! Обычный.

— Не верю, по-любому маленький, — он улыбнулся шире. — Как у диснеевских принцесс.

Я легко ткнула его в плечо и подтянула ноги к себе. Он отстранился.

— Но если серьезно, ты же не собираешься больше возвращаться к ним?

— Ни за что! — я замахала руками перед собой.

— По-хорошему, на него надо заявить, но ты, наверное, не будешь.

— Нет. Просто потому, что хочу это забыть. Мне не важна сейчас справедливость, мне нужна передышка.

— Я так и подумал, — грустно ответил Дима, затем встал, направился на кухню и вернулся с тарелкой супа.

— На вот, это нормальная еда.

Я посмотрела на желтую кашу, попробовала. Действительно, вкусно.

— Ты будешь менять тело? — спросил он и сел рядом.

— Хотелось бы, — промурчала я.

— Я считал, что сейчас это нельзя.

— Нельзя.

— Ты поэтому на работу пошел? Ой, пошла, — он зажмурился. — Прости, мне нужно время переучиться. Тяжело... когда вижу... Непривычно. Так... ты хочешь денег скопить?

Я кивнула. Он развернулся ко мне, будто сейчас скажет что-то очень важное, и строго проговорил:

— Тогда я не возьму с тебя за коммуналку.

Я громко рассмеялась.

— Придется теперь тоже работу искать, — он посмотрел на компьютер. — Эх, когда же нам играть в BG3?

— А тебе-то зачем? — серьезно спросила я.

— Непонятно? — он забрал тарелку и снова удалился, затем крикнул с кухни: — Тортик?

— Ага, — отозвалась я.

— Так, ну... про работу... — он подал мне тарелку и опустился рядом. — После того раза я вообще-то подумал, что нравлюсь тебе... Или... нет?

Я обмякла на диване. Это вообще по-настоящему? И выпалила:

— Нрависься.

Он широко улыбнулся, а плечи расслабленно съехали вниз.

— Но я же... я... тебе тоже? — вышли из меня нечленораздельные звуки.

— Да, — он смущенно оглядел комнату.

— Как парень или как девушка? Или вообще как друг?

— Как девушка, — ответил он и обвел мою фигуру рукой. — Хотя пока ты так глубоко запрятана, это сложновато... В платье и с косметикой, конечно, попроще. Но... определенно как девушка. Хотя и как друг тоже, но не в том смысле, что «просто друг», а...

— Понятно, — перебила я, вскочила с места и спрятала лицо в ладонях, затем неловко отступила, но снова сделала шаг навстречу и опять назад.

— Не мельтеши, — усмехнулся он. — Сядь, пожалуйста.

Я вернулась на диван.

— Я все пытался придумать, как тебя переубедить с этим всем, но в итоге не нашел ни одного аргумента. Ни одной детали в нашем прошлом, которая указывала бы на твою мужественность. Да и мое тело не врет, — он похлопал себя по груди. — Все время, пока тебя не было, я постоянно вспоминал ту ночь. А потом начал представлять, какой ты станешь через год или два...

— Это очень долгий путь, — перебила я.

— Мы молодые, — рассудительно продолжил он. — Время есть.

Я прожевала кусочек торта и неуверенно начала:

— Все это очень странно... как во сне... Не понимаю, почему ты так быстро изменил ко мне отношение?

— На самом деле небыстро, — серьезно ответил Дима. — Я всегда это чувствовал. Просто оно ощущалось как-то мутно. Помнишь, как мы ту русалку хоронили? Я себя до сих пор виню за это. А перед друзьями не бывает настолько стыдно. И вообще, теперь, когда я все знаю, стало ясно, почему у меня ни с кем не получалось по-серьезному. Ты даже не представляешь, сколько раз я думал: ну почему она не может быть как Женя?

Я протянула к нему руку, но убрала, не рискуя прикоснуться.

— И жить вместе захотелось, потому что мне только с тобой и хорошо. Просто... ну как я мог догадаться? Ты сама-то когда поняла?

— Год назад. Даже у психиатра была.

— Тем более, — он задумался и взял меня за руку.

Это действительно происходит? Или я уже умерла и вижу предсмертные галлюцинации?

— А что твоя семья? Как ты им объяснишь?

— Не знаю, как-нибудь, — он отпустил меня и закинул локти за голову.

— Вдруг они меня не примут?

— Не примут, так не примут, — сказал он. — А если бы я влюбился в обычную девушку, которая все равно им чем-то не угодила, тоже надо было бы ее бросить?

— Но я же никогда не стану настоящей женщиной, — прошептала я. — Не смогу родить ребенка.

— Ты настоящая, — отрезал он. — И знаешь это, и я знаю. Что до детей... Мало ли женщин не могут иметь детей. И что, они все теперь мужчины?

Я осмотрела его лицо, взгляд стал направленным, сосредоточенным. Раньше Дима редко был таким.

— Ты как-то изменился. Повзрослел, что ли, — с сомнением сказала я.

— Это точно, — отозвался он. — Я тут всю жизнь свою перелопатил, пока ждал. Но я, кстати, все еще хочу быть программистом. Так что ты вали с учебы, а я, пожалуй, на заочку, а параллельно работу поищу.

Все... Это слишком... Плечи затряслись, и я опять разревелась. Интересно, когда у меня уже лопнут глаза? Столько плакать просто неестественно.

На этот раз Дима не отпустил ни шутки, ни даже комментария, и обнял меня. Я уткнулась в углубление его плеча. Он гладил меня по волосам, затем поцеловал в макушку, а следом, очень осторожно — в щеку.

— А вдруг тебе... — я всхлипнула. — Не понравится... ну... близость.

— Думаю, понравится, — он продолжал гладить меня. — Я почти уверен.

— А как мы будем жить? На улице притворяться друзьями?

— Не знаю, — он выдохнул. — Но...

Вдруг по лицу Димы поползло знакомое мне с детства выражение, означавшее — он что-то придумал. Как тогда, во втором классе, когда Дима решил, что мы должны организовать палатку и продавать прохожим кузнечиков в банках из-под мочи. Конечно, я не дала ему мучить насекомых и еще неделю выслушивала, что мы упустили «золотую жилу».

— Ты что-то придумал, — утвердительно сказала я.

— Ага, — протянул он. — Еще вчера.

— И что же это?

— Пойдешь со мной на свидание? — он взял меня за щеки и хитро улыбнулся. — Прямо на улицу.

Глава 11. Русалочка

За четыре дня мы с Женей сделали перестановку в квартире. Спальня стала общей, а кладовку переделали под гардероб: перевесили зеркало, прибили полки. Оказалось, если разобрать хлам — это место тянуло на небольшую комнату. Каждое утро я просыпался счастливым, и погода вторила моему настроению: солнечная, ясная.

Я наконец понял. Я в отношениях! И встречаюсь с самой лучшей девушкой на свете, как минимум потому, что она умела обращаться с перфоратором и шуруповертом, так что наш мини-ремонт не растянулся. В зале мы поставили стол так, чтобы уместилось два компа — играть по сети — и наконец-то прошли первые двадцать часов BG3!

На балконе повесили гирлянды, будто у нас круглый год праздник, настелили одеял, и Женя по вечерам читала вслух, тренируя высоту речи. Она быстро училась, и я почти сразу стал воспринимать ее голос как женский. Конечно, он был низким, но правильные интонации сильно меняли дело. Пару дней я путал местоимения, привычка — страшная штука. Но Женя все равно цвела и теперь все время ходила покрашенная, в смешном домашнем платье в клеточку. Мечтала, как изменятся ее тело и лицо. Я тоже мечтал, уж очень интересно было потрогать ее будущую грудь.

А еще мы готовились к свиданию.

Когда она уехала к бабушке, я впервые в жизни посмотрел мультик про Русалочку. И мне тут же пришла идея — косплей! Она — Ариэль, а я — Эрик. Волосы у меня и так темные, глаза карие, но голубые линзы все исправили. Белая свободная рубашка, подкатанные брюки и смешные сапоги. Все просто. А вот Женя... Я замучился бегать по ПВЗ, пока нам наконец привезли все, что нужно. И теперь, этим вечером, она стояла передо мной — моя девушка.

Красный парик, светлая рубашка, темный корсет, синяя юбка и огромный голубой бант в волосах. Не знаю, сколько она училась делать макияж, но ее лицо... самое прекрасное во всей вселенной! Я подошел к ней, обнял и шепнул на ухо:

— Начинаем?

Она кивнула.

— Ты все? Уже не говоришь?

Женя снова кивнула.

Молчание — это часть плана, и не потому, что у нее низкий голос, а просто злая Урсула из сказки отняла у Русалочки способность говорить в обмен на ноги. У Жени точно просматривались ноги, значит, голоса быть не должно.

Мы вышли из квартиры уже под вечер. Улица раскрасилась огнями фонарей — пушистыми шарами света. Было ветрено, но в такой жаркой одежде это шло на пользу. Я держал Женю за руку, а прохожие смотрели на нас и улыбались. Уже у самого центра города нам попала пара: женщина лет тридцати и мужчина постарше.

— Смотри, это же Русалочка! — Воскликнула она. — Коль, глянь! Из мультика!

Женя отвела глаза и сжалась.

— Посмотри на них, — шепнул я.

Она зависла на пару секунд, затем повернулась и сделала реверанс. Женщина рассмеялась и захлопала. Женя осмелела и широко улыбнулась. Такая счастливая. Та, кого я знал всю жизнь, но совсем другая. Я всегда думал, что Женя

неулыбчивая, но, выходит, у нее просто не было повода. А вот у меня заколола линза в глазу. Кто-то же знал, что тут нужна сноровка и при надевании не надо так тыкать пальцами?

Мы прошли несколько километров, Женя улыбалась чаще, а передо мной проносилась вся наша прошлая и будущая жизнь. Я будто наконец проснулся, увидел все четко, а вечный шторм внутри успокоился.

Мы степенно добрались до пристани, где я взял лодку напрокат. Женя неловко залезла, а я, не с первого раза, кряхтя и матерясь, разобрался с веслами, и мы отплыли от берега. Она смотрела на отражение в воде и молчала.

Я достал телефон и включил песню из мультика «Русалочка» — «Kiss the Girl». По сюжету в этот момент принц Эрик хотел поцеловать Ариэль, и это сняло бы проклятие, но им помешали приспешники злой Урсулы. Услышав музыку, Женя беззвучно засмеялась и начала медленно качаться в такт, а затем хитро посмотрела на меня.

— У нас будет получше, чем в той сказке, — сказал я и наклонился к ней. — Никто не перевернет нашу лодку.

Она погладила меня по щеке, я приблизился к ней и неторопливо, чувственно поцеловал.

Обратно возвращались уже в темноте, с моря снова поднялась взвесь и затмила огни фонарей, рассеивая свет. Женя погрузилась, тревожно глядя по сторонам.

— Что случилось? — я тоже осмотрелся.

Знакомые?

— Все нормально, просто пойдем быстрее.

В ее глазах отразилось что-то болезненное, из прежнего мира.

— Скажи, в чем дело, — настоял я. — Ты обещала мне доверять.

Она затормозила, провела рукой по красным волосам. Затем поднялась на носочки к моему уху и прошептала:

— Я хочу писать.

— Это проблема? — Не понял я. — Вон ТЦ. Пойдем в туалет.

— А в какой? — жалобно спросила она.

— В женский, конечно, — ответил я. — В платье на тебя в мужском косо посмотрят.

— Я не могу, — простонала Женя. — Мне страшно.

Я обнял ее за плечи. Вот ведь...

— Совсем не хочешь идти? Может, в ресторан?

— Там все равно будут эти таблички, — она опустила глаза. — М и Ж.

— Жень, — я крепче сжал ее руку. — До дома еще минут пятнадцать. Потерпишь или в кустик?

— Потерплю, — выдавила она.

Я ускорился и злился на все. На глупые предрассудки, жестокие запреты, из-за которых моя девушка не могла просто сходить в туалет. Теперь все проходящие

мимо люди казались врагами. Именно теми «защитниками» правил, которые первыми начнут орать: «Таким нельзя в наш туалет! Идите в...»

А что, если это действительно теперь так и будет? И нам вечно придется стыдиться обычных потребностей. Как будто мы не люди, а преступники. Как будто мои чувства, ее чувства — это неведомый никому бред, а нам самим место, как бы сказала сестра:

«Не в моей семье и не в моем окружении».

Мы добрались до дома всего за десять минут. Женька побежала наверх, а я заглянул в магазин купить продуктов на утро. Продавщица быстро выбила все, что нужно, я уложил еду в рюкзак, и вдруг зазвонил телефон — сестра.

Впервые в жизни мной овладел страх брать трубку, но я никогда раньше не сбрасывал ее звонков.

— Алло?

— Дим, ты дома? — беспокойно спросила Света. — Мне надо к тебе заскочить.

— Я... Ммм... Давай в другой раз, а? Очень сильно занят.

— Пожалуйста, — настаивала она. — Не хочу говорить с мамой, но дело правда срочное.

— Что такое? — я вышел из магазина.

Сестра замолчала, а потом сдавленным голосом сказала:

— Я опять беременна.

Серьезный повод. С таким от разговора не отмажешься.

— Через сколько ты будешь? — я бросил взгляд на балкон пятого этажа. Женя зажгла в зале свет.

— Честно говоря, я уже тебя вижу, посмотри на детскую площадку, — Света встала с качелей и помахала рукой. — Я ездила по городу, а потом поняла, что, если не поговорю с кем-нибудь, сойду с ума.

— Ты Лехе говорила? — я направился к ней.

— Нет еще, — ответила она и сбросила звонок.

Мы уже стояли совсем рядом. Бледная, растерянная, сестра обняла меня.

— Слушай, Свет, — начал я. — У меня там дома девушка.

— Девушка? — она смущенно улыбнулась.

— Да, моя девушка, — подтвердил я.

— А Женя не дома?

Все. Конец.

— Посидим на улице? — предложил я.

— Не хочу. Под вечер уже прохладно становится.

— Давай вынесу что-нибудь из дома? Плед.

— Нет, пошли к тебе.

— Но...

— Дим! — Света нахмурилась и страшно выпучила глаза. — Я хочу зайти! Умыться! Чай попить! Пописать!

— Не кричи на меня! Я не виноват. Предупреждать надо.

— Что происходит вообще? — Она отступила на шаг. — Я — твоя родная сестра. И у меня проблемы!

Дальше отталкивать ее уже не выйдет.

— Ладно, пойдем, — сдался я. — Только придется немного подождать за дверью. Нужно ее предупредить. Я быстро.

— Хорошо, — недовольно ответила Света и поджала губы.

Глава 12. Фокусы

Я залетел в квартиру, Женя уже устроилась с книгой на балконе.

— Так, — я в панике замахал руками, — там Светка ждет, она беременна. Я сказал, что у меня дома девушка.

— Что? — пробасила Женя, забыв про тренировки голоса. — Где ждет?

— На лестничной.

— Почему она не предупредила?

— Не ко мне вопрос, — я топтался на месте, будто тоже не успел посетить туалет вовремя. — Нельзя же ее выгнать. Что делать будем?

Женя вскочила с места и заметалась по балкону.

— Даже если я сейчас переоденусь, она увидит меня. Зачем ты сказал про девушку?

— Я растерялся. Ну и... ты и есть моя девушка. Давай ей все расскажем?

— Нет! — она отгородилась руками.

— А что тогда?

— Я посижу в спальне, — Женя протиснулась в зал. — Скажи, что я стеснительная и не хочу пока знакомиться.

— Ладно.

Время поджидает, слишком долго тянуть нельзя.

— Но, знаешь, если передумаешь, — я шагнул к ней, — давай признаемся. Это же не монстр какой-то, а просто Светка.

Женя не ответила и скрылась за дверью.

Я впустил сестру, она огляделась и с восхищением сказала:

— Как у вас красиво!

Затем прошлась по залу и заглянула на балкон.

— Ничего себе. И со вкусом сделано... Ты не говорил, что вы уже живете вместе. А Женя где?

Я аккуратно развернул сестру и направил на кухню.

— Свет, ты же, кажется, по другому поводу пришла. Чайку?

— А твоя девушка к нам не присоединится? — сестра посмотрела на дверь в комнату.

— Нет, она пока не готова знакомиться.

— Странно, — Света вскинула брови. — Скажи хоть, как зовут.

— Женя, — выпалил я.

Сестра рассмеялась.

— И друг Женя, и девушка Женя. Прикольно.

Прошла на кухню, села и подперла голову рукой.

— Свет, — строго начал я. — Ты в будущем так, пожалуйста, не делай. Если приезжаешь — говори заранее.

— Хорошо, прости, — печально отозвалась она.

Ладно, не перегибай. Она твоя сестра, и у нее есть причина.

— Рассказывай, — я приветливо улыбнулся.

Она скрестила руки на груди, посмотрела в окно и начала:

— Сегодня я узнала, что беременна, и даже не понимаю, что чувствую. С одной стороны, дети — это чудо, но с другой — я так хотела вернуться на работу.

— Все-таки хотела...

— Да, — она опустила взгляд, расцепила кисти и забарабанила ногтями правой руки по столешнице.

— Не подумай ничего такого, у меня никаких плохих мыслей. Правда.

— Ты про какие? — я подал ей чай.

— Не рожать... Их правда нет, это другое чувство.

— Свет, если ты не готова рожать — это твое право, — я налил себе и сел напротив.

— Я готова, дело не в этом.

Она вся сжалась, будто собиралась признаться в плохом поступке.

— А в чем?

— Кажется... — голос стал тише, — я больше не люблю Лешу.

Не любит? Они никогда не выглядели особенно близкими, но и мама с отцом тоже с разных планет. Мне всегда казалось, что это часть игры, которая обоим доставляет удовольствие, а оказывается...

— Не любишь? Совсем?

Она помотала головой из стороны в сторону.

— И очень боюсь, что, если уйду от него, не смогу управиться с детьми. Одна. Мама, конечно, поможет, ты поможешь...

Как же все не вовремя.

— Ммм... Свет, я не уверен.

Она откинулась на стену и посмотрела на меня так, будто могла ожидать сейчас даже вторжения инопланетян, но только не этих слов.

— В чем именно ты не уверен? — по слогам произнесла она.

— Что смогу помогать. Мы думаем уезжать за границу, — твердо проговорил я. Так, чтобы не осталось места для спора. Но это не сработало, начались вопросы.

— Когда? А учеба?

— Скоро, может, через год. А учеба — на заочку.

— Почему? — жалобно спросила она, растеряв весь пыл старшей сестры, и добавила: — Ты бросишь меня в такой ситуации?

— Я не бросаю, просто тебе же понравилась эта квартира, если уеду, ты сможешь перебраться с детьми сюда. А с Лешей — разменяете. Как раз будут деньги.

Она смотрела так, словно верила — нужно только найти правильный вопрос, и все станет, как раньше.

— Дим, ты из-за чего это? — уже совсем тихо спросила она. — Почему так резко?

Затем искоса посмотрела в коридор.

— Из-за девушки?

Я кивнул. Ее глаза расширились.

— Ты ее пять минут знаешь и уже принимаешь такие решения?

Ну все. Теперь точно непонятно, как себя вести.

— Сейчас вернусь, — выпалил я и рванул к Жене.

— Вот жопа, — Женя дернула пальцами за парик. — Просто кошмар. Что делать-то?

— Не знаю, причина у Светки серьезная, и просто так оставлять ее без ответа — неправильно. Плюс она расскажет маме, а та уж точно не отвяжется, да и отец.

Женя вжалась в спинку кровати и залезла под одеяло.

— Я не могу ей признаться, она же... еще и беременна... Дим, Света точно не поймет.

— Ох, Женька, — я залез на кровать, уткнулся ей в колени, — должен быть какой-то выход.

Женя положила руку мне на голову и зарылась пальцами в волосы.

— Она там еще и ждет, — продолжил я. — Надумала уже, наверное, что меня разводят аферистки. Так что мама с папой точно кинутся спасать. А еще я ляпнул, что мою девушку зовут Женя.

— Зачем? — ее рука остановилась в моих волосах.

— Она так неожиданно спросила, и я подумал: если буду медлить с ответом — это подозрительно. А другого имени на ум не пришло.

Пальцы Жени двинулись по моей голове, это успокаивало.

— Ладно, давай расскажем, — вдруг решила она. — Рано или поздно все равно пришлось бы. Но... Дим... А ты сам уверен? Это будет не очень приятно.

Я поднял на нее глаза.

— Уверен.

— Почему? — она с нежностью посмотрела мне в глаза.

— По хую, — вырвалось из меня.

Женя рассмеялась в одеяло, маскируя звук.

— Люблю тебя потому что, — исправился я.

Она вынырнула из ткани и ошалело уставилась.

— Это мое первое в жизни признание, — добавил я для пущей убедительности.

Женя обвела комнату глазами, зацепилась взглядом за полки с книгами, уставленными женскими романами, немного помолчала, прямо посмотрела на меня и ответила:

— Я тоже люблю тебя. И тоже говорю это впервые в жизни.

Мы вышли на кухню. Света оглядела Женин наряд русалочки Ариэль так, будто из моей двадцатичетырехлетней сестры резко превратилась в старушку на лавочке, но вскоре ее выражение лица смягчилось, и она посмотрела на меня:

— А я думала, мне показалось, что ты как-то странно одет, хотя сейчас вижу... у тебя еще и линзы.

— Свет, это Женя, — я сразу перешел к сути. — И мы с ней собираемся уехать, потому что любим друг друга и нам нельзя тут оставаться.

— Но... — Света сузила глаза. — Почему я о ней никогда не слышала?

— Слышала, — твердо сказал я и взял Женю за руку. — Каждый раз, когда мы с тобой виделись.

Я посмотрел на Женю и кивнул. Она подняла на сестру глаза и тихо сказала низким голосом:

— Привет, Свет.

Сестра вскрикнула и вжалась в стену.

— Господи, вот жесть! Это что еще за фокусы?

Женя нахмурилась и неловко оперлась на кухонный гарнитур.

— Мы все объясним, — я сунул сестре шоколадку с полки — задобрить. — Но ты должна выслушать.

Полчаса мы последовательно растолковывали Свете, что все это значит, но шок тотально завладел ею, и я не был уверен, что она поняла хоть слово. Когда закончили, она встала и, конечно, куда без этого, назвала Женю в мужском роде, даже специально сделала на этом акцент, как бы демонстрируя степень нашего «безумия». Затем молча ушла.

Стоит ли описывать, в каком состоянии была после этого Женя? И что я не спал всю ночь?

Глава 13. Леха

Вопреки моим догадкам, на следующий день мама не написала и не позвонила, как и сестра, и даже отец. Объявился только Леха, единственный, кого не посвятили вообще ни во что. Ни про Женю, ни, видимо, про беременность Светы он не знал и спрашивал, нужны ли мне еще тарантулы. Я вежливо отказался.

Женя зажалась и затихла, а в магазине, как назло, ей поставили три смены подряд. Каждый вечер она возвращалась печальнее прежнего и жаловалась, как сложно теперь притворяться мужчиной.

Ко всему прочему объявились ее родители. Названивали и угрожали мне полицией. Решили, что я плохо на нее влияю и заставляю играть роль женщины, потому что сам я — сексуальный извращенец. Но я ничего к ним не чувствовал, меня волновала собственная семья. Я не понимал, что значит всеобщее молчание, и только бесконечно присылал родителям ссылки на исследования в надежде, что они все-таки одумаются и хоть что-нибудь поймут. Сообщения отображались прочитанными, но ответа ни от кого не приходило.

Я боялся, что Женя решит уйти, но еще больше — что доведет начатое у реки до конца. С видом умудренной опытом женщины она все время повторяла, что нельзя ставить все на нее, что это слишком сложно и никто не должен брать на себя такую ответственность. Я злился. Бесило это тупое недоверие, скрытое под маской благородства. Она хотела как лучше, но решала за меня. На что я способен, на что нет, чего стоят мои чувства и наш совместный путь.

Женя больше не красилась, спрятала всю одежду подальше и постоянно плакала. Еще и погода испортилась, и на улицу я выходил только за продуктами.

Спустя пару дней снова написал Леха. Новости дошли. Не про Женю, про развод. Он предложил встретиться в баре поговорить. Я согласился — давно стоило развеяться.

Он ждал за деревянным столиком с кружкой темного пива и как всегда улыбался. У Лехи хорошо получалось скрывать чувства, возможно потому и рушился его брак. За спиной шумел телек, крутили футбольный матч. Подошла официантка, и я заказал светлое.

— Ты же знаешь... Про Светку... — заговорил бородатый, начинающий полнеть, но еще молодой мужчина.

— Да, Леш. Знаю, — с сочувствием ответил я.

Перед выходом твердо решил — про Женю больше ни слова, слишком больно оказалось говорить правду.

— Думаю предложить ей походить к семейному психологу, — вдруг сказал он.

У меня, кажется, даже рот приоткрылся. От Лехи я ожидал этого меньше всего. Обычно, когда речь заходила о психологии, он прикидывался глухонемым. И настолько убедительно, что выпавшие из него сейчас слова тут же укатились на периферию сознания.

— Если все равно уйдет, что уж делать, но попробовать стоит, — он отпил треть бокала за раз.

— Ты любишь ее? — неожиданно для себя спросил я.

Почему-то раньше никогда не думал, что мою сестру кто-то может любить как женщину.

— Не знаю, Димыч, — Леха надулся. — Когда тебя вот так отвергают, даже не поговорив... Она ведь никогда со мной не ссорилась, я и не знал, что между нами что-то не так. Это тоже, ну... заставляет сомневаться...

— Даже я знал, — зачем-то добил я.

Леха фыркнул и отхлебнул еще пива:

— У нас ребенок, а скоро еще один будет. Все равно придется общаться, потому что я детей своих люблю.

Я смотрел на этого человека и вдруг понял, что всегда недооценивал его. Внешность оказалась обманчива, а я прекрасно знал, как это бывает. Леха — не дурачок, у которого одни тарантулы на уме, а нормальный мужик. И, если задуматься, он один обеспечивал Свету и ребенка, не считая помощи родителей.

— А меня ты зачем позвал? — спросил я.

— Попросить как-то повлиять на нее. Про психолога, — признался он.

— Она не слушает, — я сделал несколько крупных глотков.

— Почему? Всегда же слушает.

Я всмотрелся в его лицо, и уверенность вечно молчать о себе и Жене разом испарилась. Не хочу я молчать, не хочу жить так, будто в чем-то виноват, будто она в чем-то виновата. Я выпил до дна и на одном дыхании все вывалил Лехе. Когда закончил, он спросил:

— Будешь еще пивас? Я угощаю.

— Буду.

Он подал знак бармену. Затем наклонился ко мне и сказал:

— Да, отстойно ей.

Услышав правильное местоимение, я выпрямился:

— Ты сказал «ей»?

Хотелось что-то добавить, но Леха заговорил сам:

— Ну да. Ей. Для меня вообще не новость, что такое бывает.

— Откуда ты знаешь? — я был готов выскочить из-за стола и расцеловать этого здоровяка в обе щеки.

— Мой приятель живет с такой женщиной в Таиланде, — пояснил он. — Я сначала не верил, думал, фетиш какой-то, но они там уже шестой год. Семья, хозяйство. Так что я свылся. И понял.

— А ты Светке что-нибудь говорил про него? — с надеждой спросил я.

— Не говорил. Но не из-за той женщины, а потому что она Макса в принципе на дух не переносит, отдельно от его отношений.

Второй бокал пошел легче, и Леха подробно рассказал все, что знал о друге и его жизни. Каждое слово напитывало меня надеждой, и через час я по-настоящему расслабился, а попрощались мы лучшими друзьями. И хотя шансов мало, я все равно решил поговорить со Светой, ведь Леха в один момент стал для меня чуть ли не самым близким родственником.

Глава 14. Время лечит

Молчание длилось еще две недели. Я давно написал Свете про психолога, но в ответ получил только: «Не лезь не в свое дело».

Женя немного успокоилась, в ней проснулся интерес к BG3, и мы играли запоем по десять часов подряд. Это отвлекало и возвращало меня в наш с ней мир, тот, который я любил, который оживлял меня.

И все же я скучал по семье. Мои наивные представления о том, как я быстренько со всем разберусь, трещали по швам. Теперь я по-настоящему понял, какой жизнью все эти годы жила Женя, и не смел ни на что жаловаться. У меня в тяжелый момент была хотя бы она, а у нее в прошлом — только придурок, звавший ее «братаном».

Однажды вечером, прямо во время боевки, она сказала:

— Прости меня, — и спустя пару секунд прибавила: — Так, у меня все ячейки уже закончились, ща посмотрю свитки.

— Ничего, дотянем, всего трое осталось, — ответил я и загасил вражеского мага. — За что ты извиняешься?

— Что взвалила все на тебя, — быстро, будто между делом, бросила она и воскликнула: — Ух, полхэпэ снесла!

— Хороший удар, — согласился я и остановился. — Слушай, может, все-таки на паузу?

Она улыбнулась и убрала руку от мышки. Мы смотрели друг на друга через стол, ее лицо в свете монитора казалось мистическим, будто лик лунной богини.

— Что ты взвалила? — серьезно спросил я.

Она положила ладони на колени и опустила голову.

— Все. Это я предков ненавижу, а ты своих любишь. Я отстранилась от этого.

— Тебя можно понять, — я выехал из-за стола на компьютерном кресле в центр комнаты и крутанулся на нем.

— Можно, — отозвалась она, — но и тебя тоже.

Женя встала и подошла ко мне. Я протянул руки ей навстречу, она села ко мне на колени, обняла и спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

Вдруг перед глазами все поплыло, эмоции прорвались наружу, и я разрыдался.

— Ужасно... но... я... все еще надеюсь, что они передумают... — ее кожа грела меня, как маленькая живая печка. — Они ведь... не только тебя не приняли...

Я снова всхлипнул, Женя обняла меня крепче, гладя по голове.

— Я их сын... Должны же они хоть немножко любить меня... Скоро, наверное, попросят нас съехать, — сбиваясь, говорил я. — Но это ничего... Если не получится с той стажировкой, пойду к тебе в магазин...

Женя не перебивала, только грустно вздыхала.

— Будем вместе покупать трусы по скидке... И сядем на чебурели, — я усмехнулся сквозь слезы. — Они же вкусные. Хотя какая-то радость в жизни.

— Ладно, — сдалась Женя. — Я согласна. Умрем от ожирения вместе.

Я обнял ее крепче, а затем так живо представил, как мы едим чебурели, а из них выливается жир, пачкает нас, прыскает в стены, что расхохотался и оглушил ее. Она с непониманием отстранилась:

— Чего ржешь?

Я посмотрел ей в глаза:

— Нет! Никаких чебурелей. Такую жертву я точно не приму.

Женя улыбнулась и спросила:

— Не хочешь умирать от ожирения?

— Не хочу, — твердо ответил я.

— Есть что предложить взамен? — она хихикнула.

— Не особо, — отозвался я.

— Вот и мне тоже, — Женя погладила меня по щеке. — Хотя...

— М-м-м? — я посмотрел в ее суженные хитрецей глаза.

— Может, ожирение не такой плохой план? Давай закажем бургеры и будем играть до утра, пока глаза не вывалятся? — спросила она голосом моего лучшего друга.

— О, Святые угодники, за что мне такое счастье? — я обнял ее, раскрутил нас обоих в кресле, а когда мы остановились, прибавил: — Как же мне с тобой повезло.

На следующий день я проснулся только к обеду, но с новыми силами, даже раньше Жени, и принялся штудировать рабочие сайты. Вакансий немного, но и не голяк. Что-нибудь точно найдется. Учился я всегда хорошо, так что должно срастись. Как-то же люди находят работу. Спустя час откликов на телефон внезапно пришло сообщение от мамы. Я отложил мобильник. Уже научился бояться входящих. Но потом все же решился посмотреть:

«Если можно, мы вечером приедем. К тебе и Жене».

Надежда кричала: просто напиши ей — приезжайте! Но я больше не мог позволить себе не думать и ответил:

«Если вы собираетесь переубедить меня, не тратьте силы. Мы сами знаем, как нам жить, и все уже решили».

Вскоре пришло новое сообщение. Короткое, но, казалось, мама на той стороне тоже подбирала слова:

«Не собираемся. Мы просто в гости. К тебе и твоей девушке».

Я расплылся в улыбке, выскочил из-за стола и крикнул:

— Евгения!

К вечеру мы убрались. Я настоял, чтобы Женя выглядела, как ей нравится, так что родителей мы встретили при полном параде. Первой зашла сестра, обняла меня, посмотрела на Женю и сказала:

— Красивая прическа, и цвет платья тебе идет.

Следом появилась мама. Она старалась не выглядеть слишком удивленной, но получалось плохо, поэтому при виде Жени ее глаза увеличились раза в два, но она быстро совлела с собой и вежливо поздоровалась. А вот реакции отца и Лехи оказались естественными и даже приятными в своей бестактности:

— Ничего себе, — воскликнул отец. — Вылитая женщина. Дела...

— Вот это ты красotka, — сказал Леха и приобнял Женю. — Охренеть вообще.

— Спасибо, — спокойно ответила она и высвободилась.

Мы уже накрыли на стол в большой комнате, так что все расселись и принялись жадно поглощать приготовленные блюда: мясо, несколько салатов, закуски. От волнения в нас с Женей проснулись кулинарные таланты, и за четыре часа мы соорудили стол и сгоняли за недостающими салатницами и бокалами.

Когда все немного освоились и наелись, дело пошло веселее. Оказалось, Света согласилась пойти к психологу и попробовать сохранить брак. После первой сессии призналась Лехе про нас с Женей, и он первым разрядил семейное напряжение всего одной фразой: «Ну женщина и женщина, вам-то что?»

Света от этого смягчилась и припомнила собственные недавние слова про «женское сердце» Жени. Папа, конечно, умом не блеснул и винил во всем себя. Какое-то время он всерьез думал, что все это из-за его фокуса на празднике, где валет превратился в даму. Мол, он надоумил меня, а я надоумил Женю. Гипотеза отца показалась маме настолько абсурдной, что она принялась за ссылки на исследования, которых я прислал ей за эти дни с три десятка. И так, потихоньку, все все поняли.

Когда Женю достаточно разглядели и расспросили, разговоры перешли в строго практическую плоскость. Куда уезжать, сколько надо денег, сдавать или не сдавать после нашего отбытия квартиру. А в довершение ко всему мама со Светой набрались смелости и выдали Жене большой пакет с платьями и косметикой. Хорошие вещи, которые сами они уже не носили. Не по статусу. Женя смутилась, но подарки приняла.

В конце застолья Леха произнес тост и повторил слова, сказанные в прошлый раз, на даче:

— За семью, — он взглянул на жену, папу с мамой, а затем и на нас с Женей. — И за то, что мы всегда друг друга пойдем и поддержим в любой беде.

Когда все разошлись, Женя еще несколько часов не могла поверить в случившееся. Она бегала по квартире с криками: «Я — женщина!», а потом заваливалась на ковер и болтала ногами. Я не мешал, знал — она заслужила эту радость. И, конечно, радовался вместе с ней.

Глава 15. Моя жена

Уже пять лет мы живем в Берлине. Женя совершила полный трансгендерный переход. Теперь никто не мог отличить ее от женщины, рожденной с соответствующим телом. Даже я.

Она уже год работала в ветеринарной клинике, а я все-таки стал программистом. О ее переходе почти никто не знал, кроме самого близкого круга. Мы это не скрывали, но как-то не приходилось к слову, ведь о старой жизни уже почти ничего не напоминало, хотя сами мы иногда погружались в образы нашего детства и пересматривали общие фотографии. Хорошее осталось, а плохое будто растворилось. Туман отступил: оказался гибким, стоило перестать верить в его всемогущество.

Если кому-то интересно — мы все-таки прошли BG3. С темпом Жени это заняло больше двух сотен часов, зато я наконец-то понял, что можно не только набирать уровни, но и проникаться историей!

А три года назад мы поженились. Женя наотрез отказалась от белого платья. Теперь, когда ни у кого не возникало сомнений в ее поле, она перестала отчаянно держаться за внешние проявления женственности. Красилась неярко, а иногда обходилась совсем без этого, так что и платье к свадьбе выбрала удобное, темно-серое, а вместо туфель обула кроссовки, ведь после церемонии мы гуляли по городу несколько часов.

Мама этого не поняла и даже обиделась, что ее предсвадебные советы оказались невостребованными, зато Света и Леха, которые спустя год терапии решили конфликты и остались вместе, поддержали нас и на свадьбу оделись не красиво, а удобно.

Разумеется, не обошлось без папиных фокусов. За эти годы он научился не только работать с картами, но и жонглировать. Конечно, пару раз кегли улетели не туда, но, кроме разбитых бокалов, повреждений не обнаружилось.

Женя давно сменила документы, но, несмотря на наш брак, фамилию мою не взяла. И то правильно: у меня она дурацкая — Темнов. В нашем новом светлом мире, в городе, где почти не бывает туманов и солнце, если уж вышло на небо, то там и остается, такая фамилия не подходила, так что я взял Женину.

Раутэндляйн.

Что по-немецки означает «русалочка».